

Р О З А
БЕРНД

ПЬЕСА В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

Перевод
А. АВЕРБАХА и Б. АРОН

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Бернд.
Роза Бернд.
Марта.
Кристоф Фламм.
Фрау Фламм.
Артур Штрекман.
Август Кейль.
Ган
Гейнцель } работники Фламма.
Голиш
Клейнерт }
Старуха Голиш } в услужении у
Старшая работница } Фламма.
Младшая работница }
Жандарм.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Плодородная равнинная местность. Солнечное, теплое майское утро. Слева направо проходит проселочная дорога, сворачивающая к авансцене. Виднеющиеся справа поля расположены несколько выше. Почти у самой авансцены кусок зеленеющего картофельного поля. Небольшой ров, весь в цветах, отделяет поле от дороги. Слева на склоне — старая вишня высотой почти в человеческий рост, справа — поросль орешника и боярышника; параллельно дороге, вдали от нее, видно русло ручья, окаймленное ивами и ольхами. Разрозненные группы старых деревьев придают ландшафту вид парка. Слева вдали, в просветах между кустами и деревьями, виднеются крыши домов и колокольня сельской церкви. На переднем плане справа у дороги — распятие. Воскресенье. Роза Бернд, красивая и крепкая крестьянская девушка двадцати двух лет, взволнованная и раскрасневшаяся, выходит слева из-за кустарника и, настороженно осмотревшись по сторонам, садится на склоне рва у дороги. Она босая, поверх юбки передник, руки и шея обнажены; она быстро заплетает распутившуюся русую косу. Справа из-за кустов крадучись выходит мужчина. Это местный помещик и староста Кристоф Флам. У него несколько растерянный и в то же время довольный вид. Это статный широкоплечий мужчина лет сорока, одетый по-спортивному, но без франтовства. На нем башмаки на шнурках и охотничьи чулки. Через плечо у него висит на ремне кожаная фляга. У Фламма вид крепкого, цветущего, жизнерадостного, очень симпатичного человека. Он садится на склоне рва, на некотором расстоянии от Розы. Они молча смотрят друг на друга, а затем раздражаются неудержимым смехом.

Флам (с возрастающим задором поет все громче и все сердечнее, отбивая при этом такт подобно дирижеру).

В лесу и на лугу
Ищу себе усладу!
Охотник я!
Охотник я!

Роза (сначала испуганная пением, затем расселившись, но все еще смущенная, смеется). Что это вы, господин Фламм!

Фламм (молодцевато). Подпевай, Розина.

Роза. Да я не умею петь, господин Фламм.

Фламм. Неправда, Розина! Я ведь часто слышу, как ты поешь у себя во дворе:

Охотник из Курпфальца... Чу!

В лесу зеленом скачет...

Роза. Я совсем не знаю эту песню, господин Фламм.

Фламм. Не называй меня все время господином Фламмом! (Поет.)

Девушка, приди ко мне,

Приди на луг зеленый!

Роза (испуганно). Сейчас народ пойдет из церкви, господин Фламм.

Фламм. Пускай себе идет! (Встает и достает из дупла вишневого дерева слева охотничье ружье.) На всякий случай я повешу ружье. Вот так. Теперь шляпу! Трубку! Ну, а теперь пускай себе идут. (Вешает через плечо ружье, поправляет шляпу с перьями тетерева, достает из кармана короткую трубку и собирается закуривать.) Посмотри-ка, какие крупные вишни. (Берет горсть вишен и показывает их Розе. Проникновенно.) Розина, как бы мне хотелось, чтобы ты стала моей женой.

Роза. Ах, что вы, господин Фламм.

Фламм. Клянусь богом, Розина.

Роза (робко сопротивляясь). Нет-нет.

Фламм. Розина! Протяни мне свою верную, славную лапку! (Держит ее руку и опускается на колени.) Клянусь богом, Розина! Видишь ли, я очень странный человек. Понимаешь ли, я очень люблю свою мать...

Роза (закрывает лицо руками). Я готова сквозь землю провалиться.

Фламм. ...Я чертовски люблю свою жену, говорю я тебе, но (порывисто) это ее совершенно не касается!!

Роза (не может удержаться от смеха). Что же, это только вас касается, господин Фламм.

Флам м (с искренним восхищением). И красива же ты, девка! Ох как красива! Прямо писаная красавица! Послушай-ка меня: жена... это такая странная история с моей матерью и со мной. В ней не так легко разобраться. Генриетта, как ты знаешь, больна. Уже целых девять лет она лежит в постели или иногда выезжает в своем кресле. Ну, а мне-то, гром и молния, какая польза мне от этого?! (Прижимает к себе голову Розы и крепко целует.)

Роза (испугавшись его поцелуев). Люди идут из церкви!

Флам м. Никто и не думает идти! Далась тебе сегодня эти богомольцы!

Роза. Да ведь там Август...

Флам м. Святоши всегда торчат в церкви! Где же им еще и быть? Послушай, Розина, еще нет даже половины одиннадцатого. Когда кончится богослужение, начнут звонить. Нет-нет! А матери тебе нечего бояться.

Роза. Ах, Кристоф, она иной раз так посмотрит, что я готова сквозь землю провалиться.

Флам м. Ты не знаешь еще моей старухи. Она хитра, видит все насквозь. Но зато... она и добра, что твоя овца. Если она и узнает, что между нами было, то головы нам не оторвет.

Роза. Ах, нет-нет! Боже сохрани, господин Флам м!

Флам м. Полно, Розина! (Предлагает ей табакерку.) Не хочешь ли?

Она молча отказывается.

Гм. (Нюхает табак.) Еще раз повторяю: мне это безразлично. (С возмущением.) Что, в конце концов, делать в этом случае такому парню, как я? Ну что? Что же случилось, Розина? Ты же знаешь, как серьезно я к тебе отношусь. Дай мне хоть немного душу отвести.

Роза. Господин Кристоф, вы так добры ко мне! (Со слезами на глазах, с горячностью целует руку Фламма.) Но...

Флам м (несколько удивленно). Добр? Ну и сказала! Разрази меня гром, Розина! Добр к тебе! Да много ли это значит? Будь я свободен, я бы на тебе женился. Я, видишь ли, малый бывалый! Да стоит ли говорить

о прошлом. Я мог бы далеко пойти. Кто знает! Может быть, я был бы сейчас главным лесничим. Да ведь как только старик умер, я айда домой! На карьере сразу махнул рукой. Не по мне все эти чины и звания. Для меня и здесь слишком много лоска! Мне бы дом бревенчатый! Ружье! Медвежий окорок! А если кто-нибудь явится — заряд дрови в зад.

Роза. Но так не может продолжаться, господин Фламм. Ведь должно же это когда-нибудь кончиться.

Фламм (*про себя*). Семь тысяч чертей и одна ведьма! Что, этот проклятый святоша не может еще подождать? Не слишком ли много ему и так останется? Нет, девушка, я бы поставил его на свое место.

Роза. Я уж и так довольно его обманывала. Более двух лет. Теперь он меня торопит. Не хочет больше ждать! Да и впрямь нельзя так дальше.

Фламм (*с яростью*). Все это вздор, понимаешь ты меня! До сих пор ты надрывалась для своего отца, ведь ты и понятия не имеешь о настоящей жизни, а теперь ты хочешь закабалить себя у переплетчика. Я считаю это подлостью — тянуть все жилы из человека! Уж если ты ничего другого не желаешь, то хоть не торопись за него выйти, всегда успеешь.

Роза. Нет, Кристоф... Это вы так только говорите, господин Фламм! На моем месте и вы бы, возможно, рассуждали иначе. Я ведь знаю, как плохи дела у отца! Хозяева отказали нам в квартире. Там, кажется, будет жить новый скотник! И теперь заветное желание отца, чтобы с Августом все наконец уладилось.

Фламм. Пускай тогда твой отец и женится на Августе Кейле, если он ему так нравится. Он совсем помещался на нем. Этот Кейль его просто околдовал.

Роза. Вы несправедливы, господин Фламм.

Фламм. Скажи-ка лучше... Да, что я хотел сказать? Что я сказал сейчас? Терпеть не могу его постную физиономию. Мне стоит больших усилий его видеть. Да простит господь мне и особенно тебе, Розина! Впрочем, почему мне не быть с тобой откровенным? Может быть, у него и есть свои достоинства. Говорят, он скопил деньжонок. Но из-за этого нельзя же перед ним пресмыкаться.

Роза. Нет, Кристоф! Не говорите так! Видит бог, я не должна это слушать! Август много выстрадал! Он и больной, он и несчастный, душа болит за него.

Флам м. Вас, женщин, трудно понять! Другая умная и решительная особа вдруг натворит такое, что диву даешься, как вы все же глупы. Так глупы, ей-богу, как гуси во время грозы. Душа у тебя болит за него! Но что это значит? Ведь этак ты можешь и за каторжника выйти замуж — из жалости или по глупости. Тебе нужно как следует потолковать с отцом. Скажи, пожалуйста, чего недостает Августу? Он вырос в сиротском доме и все же в конце концов пробил себе дорогу. Если ты за него не пойдешь, ему найдут другую. Их братия умеет это ловко делать.

Роза (*решительно*). Нет, я не хочу! Когда-нибудь должно же это случиться, господин Флам м! В том, что произошло, я не раскаиваюсь, хоть я и много страдала втихомолку... все время, пока я встречалась с вами. Да все равно! Сейчас уже ничего не изменишь! Но когда-нибудь этому должен быть конец — дальше так продолжаться не может.

Флам м. Не может продолжаться! Объясни-ка мне, что это значит?

Роза. А то, что иначе и быть не может. Я не могу больше тянуть: отец этого не потерпит. И он будет прав. Ах, господи! Мне нелегко. И когда это у меня перестанет душа болеть... Я не знаю (*хватается за грудь*) — это называется, кажется, стеснение в груди. У меня и вправду иногда болит сердце. Нет, все должно измениться.

Флам м. Ну, в таком случае теперь ничего не поделаешь. Мне пора! (*Встает и перевешивает ружье за спину*.) До свидания! Прощай, Розина.

Роза смотрит перед собой и не отвечает.

Что с тобой, Розина! До свидания!

Роза отрицательно качает головой.

Ты не хочешь проститься со мной? Уж не обидел ли я тебя чем-нибудь, Розина?

Роза. Нет, но то, что было, никогда уж не повторится, господин Флам м.

Фламм (охваченный внезапным порывом страсти).
Дорогая, а если я над собой что-нибудь сделаю... *(Обнимает ее и страстно целует.)*

Роза (через некоторое время, внезапно с испугом). Боже мой! Кто-то сюда идет, господин Фламм.

Фламм в замешательстве вскакивает и скрывается за кустарником. Роза быстро встает, торопливо поправляет волосы и одергивает платье. Она пугливо озирается, никого не замечает и только тогда берет мотыгу и начинает обрабатывать картофельное поле... Через некоторое время появляется не замеченный Розой машинист локомотива Артур Штрекман в воскресной одежде. Штрекман — то, что называется красавец-мужчина, высокий, широкоплечий, с важным видом. У него длинная, по самую грудь, русая борода. По его манере держаться, по его одежде, которая безукоризненна, — от сидящей на затылке шапочки лесничего до начищенных до блеска высоких сапог, праздничного сюртука и тканого жилета — видно, что Штрекман о себе очень высокого мнения и что он очень хорошо знает цену своей особенной красоте.

Штрекман (как будто он только сейчас заметил Розу, искусственным тоном, рисуясь). Здравствуй, Розина Бернд.

Роза (испуганно оборачивается). Здравствуй, Штрекман. *(Неуверенно.)* Откуда ты идешь? Из церкви?

Штрекман. Я ушел оттуда раньше.

Роза (взволнованно и с укоризной). Почему так? Тебе надоела проповедь?

Штрекман (молодцевато). Да, и еще потому, что сегодня прекрасная погода! Жену я оставил в церкви. Нужно же когда-нибудь побыть и одному.

Роза. А я бы лучше осталась в церкви.

Штрекман. Бабам и место в церкви.

Роза. На своем веку ты небось немало нагрешил! У тебя есть что отмаливать.

Штрекман. С нашим господом богом я в ладах! Он не взыскивает слишком строго за мои грехи.

Роза. Ишь ты, ишь ты.

Штрекман. Ему до меня мало дела.

Роза. Болван ты самодовольный!

Штрекман громко и неестественно смеется,

Был бы ты порядочным человеком, не колотил бы дома свою жену.

Штрекман (*со сверкающими глазами*). И поделом! Только на пользу! Так и следует! Вам, бабам, нужно показывать, кто хозяин.

Роза. Только не воображай!

Штрекман. Да-да! Так и есть! Что правда, то правда! Я всегда добивался своего.

Роза принужденно смеется.

Люди говорят, что ты хочешь уйти от Фламма?

Роза. Да, я ведь больше у него не служу. Ты же видишь, что я занята совсем другой работой.

Штрекман. Но еще вчера ты помогала в его хозяйстве.

Роза. Это уж мое дело, помогаю я или нет! Заботься-ка ты о своих делах!

Штрекман. Правда, что твой отец переехал на другую квартиру?

Роза. К кому же?

Штрекман. К Августу, в лахмановский дом.

Роза. Этот дом Август еще и не купил! Они, видно, знают больше моего, эти люди.

Штрекман. Говорят, что скоро свадьбу сыграете.

Роза. Ну и пускай себе говорят что хотят!

Штрекман (*после некоторого молчания, приблизившись к Розе на несколько шагов и расставив широко ноги*). Ты права! Это ты всегда успеешь! Такая красивая девушка, как ты, всегда успеет выйти замуж: сначала нужно как следует погулять! Я рассмеялся ему прямо в лицо. Никто парню и не верит.

Роза (*быстро*). Да кто это говорит?

Штрекман. Август Кейль.

Роза. Август? И он наслушался этой проклятой болтовни.

Штрекман (*после некоторого молчания*). Август слишком квелый парень...

Роза. Не хочу я этого слушать! Оставьте меня в покое! Ваши споры меня не интересуют! Все вы стоите один другого.

Штрекман. Так только говорится! До моей удали ему далеко.

Роза. О да! Твоя удаля, она известна. Стоит только женщин послушать. Август, уж конечно, не такой.

Штрекман (*беззаботно смеется*). Разве я спорю против этого?

Роза. Да ты и не можешь.

Штрекман (*пристально смотрит на нее, прищурив глаза*). Со мной шутки плохи. Чего хочу от бабы, того и добиваюсь.

Роза (*насмешливо*). Да ну!

Штрекман. Да ну! Да что ты споришь, Розина! Ты ведь сама не раз на меня поглядывала. (*Подходит ближе и хочет ее обнять.*)

Роза. Много ты о себе воображаешь, Штрекман! Отстань от меня!

Штрекман. Ну, будь же ты...

Роза (*отталкивает его*). Штрекман! Я тебе сказала! Я не хочу знать вас, мужиков. Иди своей дорогой.

Штрекман. Да что я тебе сделал? (*После некоторого молчания, отчасти зло, отчасти смущенно смеясь.*) Ну, погоди же! Ты еще придешь ко мне! Я тебе говорю: придется еще тебе ко мне прийти! Вольно же тебе так притворяться и корчить из себя недотрогу. Вот здесь стоит крест! А здесь вот стоит дерево! Учти это! Нечего сказать, хорошими делами ты тут занималась. Конечно, я тоже не святой. Но под крестом... так сказать... На что уж я, да и то бы постыдился. Что сказали бы тебе отец и Август? Взять к примеру вот это грушевое дерево, в нем дупло. Ну так вот: здесь стояло ружье.

Роза (*работая, все больше прислушивается. Непроизвольно побледнев, дрожащим голосом*). Что ты такое говоришь?

Штрекман. Ничего! Я больше ничего не скажу. Да ведь подобное никому и в голову бы не могло прийти, и если одна такая нашлась, то это ужасно.

Роза (*испуганная, не владея собой, подбегает к нему*). Что ты сказал?

Штрекман (*выдерживая ее гневный взгляд*). Я сказал — одна такая!

Роза. Что это значит — одна такая?

Штрекман. Да то и значит.

Роза (*сжимает кулаки, смотрит на него пронизывающим взглядом в сильной вспышке гнева, ненависти, страха и замешательства, пока, чувствуя свое бессилие, не опускает руки, и почти со стоном произносит с трудом*). Ничего, уж я добьюсь своих прав! (*Держа правую руку перед заплаканными глазами, поднимая левой рукой фартук и сморкаясь, надломленная, возвращается, всхлипывая, к месту работы.*)

Штрекман (*смотрит ей вслед с прежним выражением злобной холодности и решительности. Однако постепенно у него появляется произвольная улыбка, переходящая в громкий смех*). Не иначе — так! Не принимай близко к сердцу. Что ты обо мне, собственно говоря, думаешь, Роза Бернд? Что же? Что случилось? Ведь от этого никому нет вреда?! Почему бы и не провести людей? Почему бы и нет? Раз они так глупы! Я страсть люблю тех баб, которые ловко это делают. Конечно, такого, как я, не проведешь! Поверь, я давно об этом знал.

Роза (*вне себя*). Штрекман! Я сделаю что-нибудь с собой! Понял? Или уходи прочь с поля! Я... со мной... случится несчастье!

Штрекман (*садится на межу, ударяя себя ладонями по коленям*). Да что ты! Упаси бог! Неужели ты думаешь, что я сейчас пойду и буду всюду о тебе судачить или перемывать твои косточки! Мне-то какое дело, хотел бы я знать, до твоих проказ!

Роза. Я повешусь дома на перекладине! Так сделала Мария Шуберт.

Штрекман. С ней было иначе! Она натворила совсем другое! И я вообще не имел с ней никакого дела. А вешаться тебе не с чего. Так и женщин давно бы не осталось на свете! Такие вещи случаются на каждом шагу, — куда ни взглянешь, везде одно и то же. Да!.. Просто смех! И больше ничего. Подумать только, как твой отец смотрит на всех свысока! Со свету готов сжить! Прямо хоть провались сквозь землю, если случится когда погулять. Ну вот! Увидим теперь, что он запоет.

Роза (*дрожа и покрываясь холодным потом*). О господи! Нет-нет!

Штрекман. Ну скажи, разве я неправ, ведь нет больших святош, чем вы: Август Кейль, твой отец и ты вдобавок! Где уж мне тягаться с такими ханжами.

Роза (*с новым приступом отчаяния*). Это ложь, ты ничего не видел!

Штрекман. Что? Не видел? Черт возьми! Выходит, мне приснилось это! Я же знаю — именно так, а не иначе. Разве это был не староста Фламм из Дисдорфа?! Я сегодня еще не выпил ни капли. Разве он не держал тебя за косы? Разве не повалил он тебя под иву? (*С громким смехом.*) Он, наверно, тебя здорово облапил?

Роза. Штрекман! Я разобью тебе голову!

Штрекман (*все еще смеясь*). Ты послушай только! В чем дело? Ты же не бог весть кто! Почему бы и нет? Я тебя не попрекаю. Кто первый пришел, тому и первый помол: иначе тут и быть не может. Только бы Август не знал, а я не разболтаю.

Роза (*бессильно плачет и стонет, продолжая при этом лихорадочно работать*). И подобный тип смеет позволять себе такие слова?

Штрекман (*грубо, с гневом*). Ты себе слишком много позволяешь. Я себе ничего не позволяю! Хотя я вполне мог бы себе позволить. Чем я хуже старосты Фламма?

Роза (*неистово кричит и одновременно плачет*). Я всегда вела порядочную жизнь. И после этого является вот такой и бог знает что говорит мне! Я воспитала трех маленьких сестер! Я вставала в три часа утра! Я себе не позволяла выпить и кружки молока. Все люди знают это! Это знает каждый ребенок...

Штрекман. Вот потому тебе и нечего так шуметь! Люди идут из церкви, уже звонят. Ты могла бы быть повежливее с человеком! Больно уж ты горда. Может, это и так... похоже на то! Не буду отрицать, что ты трудишься в поте лица и очень бережлива. А в остальном ты для меня такая же, как и все.

Роза (*с большим страхом смотрит вдаль*). Это не Август там идет?

Штрекман (*смотрит в том же направлении, в сто-*

рону села. *С пренебрежением*). Где? Ну, конечно! Там двое! Они заворачивают за пасторский сад. Ну и что же? Ты, может быть, думаешь, что я должен убраться? Я не боюсь этих церковных жрыс.

Роза *(с большим страхом)*. Штрекман, я скопила двенадцать талеров...

Штрекман. Розина, ты скопила гораздо больше!

Роза. Ну ладно! Я отдам тебе все, что у меня есть! Я брошу тебе все свои тряпки! Я принесу тебе все до последнего гроша, Штрекман, только сжался... *(С мольбой пытается взять его за руки, но он отстраняет руки.)*

Штрекман. Я не возьму денег.

Роза. Ради всего святого, нет-нет...

Штрекман. Хотел бы я знать, образумишься ли ты!

Роза. Если об этом узнает хоть один человек в деревне...

Штрекман. Это зависит от тебя. Об этом не нужно знать ни одному человеку. Ты не должна только меня до этого доводить, тогда об этом никто не узнает. *(Меняясь в лице, со страстью.)* Ну как? Я ведь в тебя по уши влюблен...

Роза. А в какую бабу ты не влюблен!

Штрекман. Ну, что же! Я не могу здесь ничего поделывать. Кто, как наш брат, бывает с молотилкой в разных поместьях по всей округе, тому от сплетен не уберечься. Но сам-то я лучше знаю, что у меня на душе. Еще прежде, чем явился Фламм, — об Августе я не говорю! — я зарился на тебя! Сколько я мучился, об этом никто не знает. *(Упрямо.)* Однако, черт меня побери.... Пусть же! Будь что будет, Розина! Я не позволю со мной больше шутить! Этот Фламм встал мне поперек дороги.

Роза. Что это значит?

Штрекман. Ты это скоро увидишь.

По дороге бежит, подпрыгивая, Марта, младшая сестра Розы, чисто и по-воскресному одетая. Она еще совсем ребенок.

Марта *(кричит)*. Роза, это ты? Что ты здесь делаешь?

Роза. Должна же я окопать все грядки, раз вы в субботу этого не сделали!

Марта. О боже мой, Розен, что будет, если придет отец!

Штрекман. Если от этого вам будет прибыль, то голову он тебе не оторвет! Знаем мы старого Бернда.

Марта. Кто это, Розен?

Роза. Ах, не спрашивай меня!

По дороге из деревни идут старый Бернд и Август Кейль. Оба, как старый седой Бернд, так и молодой, тридцатилетний Кейль, одеты в черную воскресную одежду, и у каждого из них в руках молитвенник. У старого Бернда седая борода, слабый голос, как будто он перенес в свое время тяжелое легочное заболевание. Он выглядит примерно как отслуживший почтенный господский кучер. У переплетчика Августа Кейля бледное лицо, тонкие темные усы и козлиная бородка; волосы его уже сильно поредели, лицо иногда судорожно подергивается. Он худой, узкогрудый; по его внешнему виду можно определить, что он домосед.

Бернд. Не Розен ли это?

Август. Да, это она, папаша Бернд.

Бернд. Никак девку не отучить; если уж на нее найдет, так ей непременно нужно работать до седьмого пота, будь то праздник или будни. (*Подойдя к ней ближе.*) Разве для этого нет времени на неделе?!

Август. Ты слишком много работаешь, Роза! В этом нет необходимости.

Бернд. Если бы это видел наш добрый господин пастор, это его бы огорчило. Он, наверно, не поверил бы своим глазам.

Август. Пастор опять спрашивал о тебе, Роза.

Штрекман (*язвительно*). Говорят, он хочет взять ее к себе в экономки!

Бернд (*только сейчас его заметил*). Да это Штрекман!

Штрекман. Он самый! Девка трудолюбива, что твои муравьи и пчелы! Она надорвется, а все будет работать. У нее нет времени дремать в церкви.

Бернд. Ну, мы там не дремлем. Я думаю, что скорее здесь дремлют другие — те, кто не хочет еще, к сожалению, быть разбуженным. А жених уж вот он...

Штрекман. Так-то так. Да невеста пока что про- падет.

Август. У тебя сегодня веселое настроение.

Штрекман. Верно: я могу сейчас обнять этот столб на меже... или хоть церковный кошель! У меня страшно весело на душе. Я сейчас лопну от смеха.

Бернд (*Розе*). Собирайся, пойдем домой! Оставь только мотыгу. Возьмешь, не пойду с тобой! Положи ее в дупло вишни. Своей мотыгой ты только разозлишь людей.

Август. Другие ходят в праздник даже с ружьями.

Штрекман. А иные грешники даже с водкой. (*Достает бутылку водки.*)

Август. Каждый отвечает за себя.

Штрекман. Правильно! И каждый за себя расплачивается. Ну-ка, соберись с духом и хлебни разок за компанию. (*Протягивает бутылку Августу. Тот не обращает на это внимания.*)

Бернд. Ты же знаешь, Август не пьет водки!.. Где же теперь твоя молотилка?

Штрекман. Но вы, Бернд, должны со мной выпить! Вы же были винокуром?.. Молотилка стоит внизу, в имении.

Бернд (*нерешительно берет бутылку*). Только ради вас, Штрекман, вообще же я этого не делаю! Когда я был управляющим имением, то приходилось всем заниматься. Однако самогон я всегда гнал неохотно, я и тогда много не пил.

Штрекман (*Августу, который ставит в дупло вишни валяющуюся поодаль лопату*). Почаще поглядывай на эту вишню! Пиф-паф, пуф! Нужно только прицелиться и нажать курок.

Бернд. Находятся же люди, которые ходят в воскресенье на охоту.

Штрекман. Староста Фламм, например.

Бернд. Он самый! Мы как раз только что его встретили! Нехорошо это! Людей обижает.

Штрекман бросает в Розу майских жуков.

Роза (*дрожа*). Штрекман!

Бернд. В чем дело?

Август. Что это значит?

Штрекман. Ничего, у меня с ней свои счета!

Август. Своди счета с кем хочешь! Ее же оставь в покое!

Штрекман (*злобно, враждебно*). Берегись, Август, смотри!

Бернд. Перестаньте ссориться! Помиритесь, бога ради!

Штрекман. Тронешь жабу, она сразу запыхтит и надуется!

Август. На жаб похожи те, которые валяются в ямах.

Штрекман. Давай, Август, по-мирному. Папаша Бернд прав, нужно ладить друг с другом! Это не похристиански — так хмуриться! Иди сюда! Выпей со мной! Глотнем-ка разок. Лицом ты, конечно, не вышел, это всякий видит, а вот в чтении и письме ты знаешь толк и дела свои надежно устроил. Значит, скоро мы должны справить веселую свадьбу!

Август никак не реагирует; тогда Бернд берет бутылку с водкой и пьет.

Я на это надеюсь, папаша Бернд.

Бернд. Ну, если за веселую свадьбу, то можно сделать исключение.

Штрекман. Точно! Так и надо! Правильно! Сейчас уж не то время, когда я отбывал барщину на лошадях, как тогда в имении, где вы меня в ежовых рукавицах держали. Теперь я уже кое-чему научился. У кого голова на плечах, тот себе дорогу проложит.

Бернд. Ну, это уж как господь благословит! (*Августу.*) Выпьем-ка за веселую свадьбу!

Август (*берет бутылку*). Это уж как бог даст, за это нечего пить.

Штрекман (*ударяя себя по бедрам*). И маленьких Августов господь должен дать! Чтобы доставить радость деду! И чтобы старший из них стал старостой! — Теперь пускай и Розочка выпьет немного с нами.

Бернд. Ты плачешь, Розхен? Что с тобой?

Марта. У нее все время слезы на глазах.

Август (*Розе*). Выпей глоток, раз ему уж так хочется!

Роза берет с большим усилием и отвращением бутылку.

Штрекман. Ну, хоп! Веселее! Одним глотком!

Роза пьет дрожа и с нескрываемым отвращением отдает бутылку
Августу.

Бернд (*тихо, с отцовской гордостью, Штрекману*).
Ай да девка! Он должен беречь ее как зеницу ока.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Большая жилая комната в доме помещика Фламма: обширное помещение с низким потолком на первом этаже, справа дверь в сени. Вторая дверь в задней стене соединяет большую комнату с меньшей, называемой Фламмом «охотничьей». В ней приспособления для изготовления патронов; на стене висят ружья, одежда, чучела птиц, которые видны, когда открывается дверь; в «охотничьей» же стоит канцелярский шкаф с гражданско-регистрационными делами. Три окна, расположенные слева, коричневый брусчатый потолок и обстановка придают комнате уютный вид. Слева в углу стоит большой старомодный диван, обитый цветастой материей, перед ним — дубовый темный раздвижной стол. Над диваном висят олени и козынь рога. Над дверью «охотничьей комнаты» — стеклянный ящик с чучелами выводка куропадок. Правее этой двери — доска с ключами. Вблизи доски стеклянный шкаф, наполненный до отказа книгами. На шкафу стоит чучело филина; рядом со шкафом, на стене, часы с кукушкой. В правом углу комнаты кафельная печь, покрытая голубоватыми крапинками. Перед всеми тремя окнами, расположенными слева, распутившиеся цветы на подставках. Ближайшее к столу окно открыто. Открыто и следующее окно. Перед этим окном в кресле на колесах сидит фрау Фламма. На окнах кисейные занавески. Недалеко от переднего окна стоит старый пузатый комод с резными украшениями, покрытый кружевной скатертью; на нем посуда и разные семейные реликвии, безделушки и тому подобное. Над комодом на стене семейные фотографии. Между печью и выходом в сени старый рояль, повернутый клавиатурой в сторону печи; перед роялем расшитое кресло. Над роялем множество ящиков с коллекциями бабочек. Впереди справа светлый полированный письменный стол на колесах, перед ним простой стул. У стены вплотную к письменному столу еще несколько таких стульев. Между окнами старое вольтеровское кресло, обтянутое коричневой кожей. Над столом большая висючая английская лампа с широким медным ободком. Над письменным столом на стене в простой деревянной раме большая фотография пятилетнего красивого мальчика. Карточка обрамлена венком из свежих полевых цветов. Ниже — стеклянная ваза с незабудками, воткнутыми в сырой песок.

Прекрасный весенний день, около одиннадцати часов утра. Фрау Флам — почтенная привлекательная женщина лет сорока. На ней гладкое черное блестящее платье старомодного покроя, белый кружевной чепчик, кружевной воротничок; ее худые нежные руки наполовину прикрыты кружевными манжетами. На коленях лежит книга и тонкий батистовый носовой платок. Черты лица у фрау Флам крупные и приятные. Глаза светло-голубые, пронизательные, высокий лоб, широкие виски. Ее уже седые редкие волосы аккуратно расчесаны на пробор. Время от времени она слегка приглаживает волосы кончиками пальцев. У нее доброе лицо и серьезный, но не суровый взгляд. Вокруг рта, в уголках глаз часто появляется лукавая усмешка.

Фрау Флам (*задумчиво смотрит в окно, вздыхает, углубляется в чтение книги, затем прислушивается, закрывает книгу, вложив в нее закладку, поворачивается к двери и говорит все более громким, приятным голосом*). Кто там? Пожалуйста, входите!

Стучат, дверь в сени приоткрывается, видна голова старого Бернда.

Кто там? А, папаша Бернд, наш приходский попечитель и церковный староста. Пожалуйста, входите, я вас не укушу, папаша Бернд.

Бернд. Мы хотели поговорить с господином лейтенантом.

Он входит, за ним следом Август Кейль; оба по-прежнему одеты по-воскресному.

Фрау Флам. Ого! Какой у вас важный вид!

Бернд. Доброе утро, фрау Флам.

Фрау Флам. Добрый день, папаша Бернд! Мой муж был только сейчас в охотничьей комнате. (*Кивнув в сторону Августа.*) А это, наверно, ваш господин зять?

Бернд. Да, с божьей помощью, фрау Флам.

Фрау Флам. Ну, садитесь. Вы пришли, очевидно, сделать заявление о свадьбе? Значит, она наконец состоится?

Бернд. Да, слава богу, теперь уж скоро.

Фрау Флам. Меня это радует! Ожидание ни к чему хорошему не приводит. Если решено, то тянуть нечего! Роза уже дала согласие?

Бернд. Да! У меня точно камень с души свалился. Она долго упрячилась. А теперь сама торопит. Чем скорее будет свадьба, тем лучше.

Фрау Фламм. Это меня радует, господин Кейль! Да, меня это радует, Бернд! — Кристель! — Я думаю, мой муж сейчас придет. Итак, все устроилось. Ну, папаша Бернд, теперь вы можете говорить о счастье! Теперь вы должны быть очень довольны.

Бернд. Да, это так! Вы правы, фрау Фламм! Позавчера мы все обсудили. И тут господь послал нам еще большее счастье: Август был у фрейлейн в Гнадау, и она была очень любезна, дала ему в долг три тысячи марок. Теперь он может купить лахмановский дом.

Фрау Фламм. В самом деле? Возможно ли это! Вот вам и снова повезло, папаша Бернд; когда вас господа безжалостно уволили, оставили без куска хлеба, вы пали духом, у вас не было надежды; это была настоящая подлость! Теперь же господь изменил все к лучшему.

Бернд. Да! Человек всегда малодушен.

Фрау Фламм. Ну вот! У вас все прекрасно устроилось! Во-первых, дом находится прямо перед церковью и к нему прилегает хороший кусок земли. А Роза, я думаю, умеет вести хозяйство. Нет-нет, теперь вы можете быть довольны.

Бернд. Сколько добра делает эта дама! После бога не ее ли должны мы больше всего благодарить? Если бы я служил у фрейлейн в Гнадау и столько сделал, как здесь на службе у наших господ, мне никогда не пришлось бы жаловаться.

Фрау Фламм. Вам больше нечего жаловаться, Бернд.

Бернд. Слава богу, нет! Ни в коем случае!

Фрау Фламм. На благодарность в этой жизни нельзя рассчитывать. Мой отец был сорок лет старшим лесничим, и все же мать впоследствии бедствовала. У вас сейчас хороший зять! Вы можете жить в прекрасном доме, и у вас есть даже кусок земли. О том, чтобы дела шли лучше, а не хуже, пускай позаботятся ваши дети.

Бернд. Конечно, я на это надеюсь! Я, видите ли, нисколько не сомневаюсь. Кто, как он, трудился, сначала разносил книги...

Фрау Фламм (*Августу*). Вы хотели, кажется, стать миссионером?

Август. К сожалению, не позволило здоровье.

Бернд. ...потом учился писать, читать и изучал ремесло и при этом хороший христианин и такой порядочный человек, — у того я могу спокойно преклонить голову, когда усну последним сном.

Фрау Фламм. Вы, вероятно, знаете, папаша Бернд, что мой муж складывает с себя обязанности старости? Вашу Розу он вряд ли успеет обручить.

Бернд. Она сейчас сажает капусту...

Фрау Фламм. Я знаю, знаю, Роза нам помогает. Она была уже утром у меня. Не хотите ли к ней пойти, огород сразу за двором. — Кристель! — А вот и он.

Фламм (*кричит издаലെка*). Иду! Сейчас!

Фрау Фламм. Тебя ждут по делу.

В двери охотничьей комнаты появляется без сюртука и жилета Фламм. Его белоснежная рубаша спереди расстегнута. Он чистит охотничью двустволку.

Фламм. Да-да. Машинист Штрекман был у меня. Лучше всего сразу молотить. Машина стоит в имении. Но она еще не скоро освободится. — Господи! Да это папаша Бернд!

Бернд. Так точно, господин Фламм, мы пришли к вам. Мы хотели...

Фламм. По порядку! Не торопитесь. (*Поднеся ружье к глазам.*) Если вы пришли по брачным делам, папаша Бернд, тогда лучше немного подождите. Моим преемником будет казначей Штекель, он произведет эту церемонию значительно торжественнее.

Фрау Фламм (*следившая за беседой, держа и подбородка тамбурную иглу и внимательно смотря на мужа*). Кристель, что за вздор ты городишь!

Август (*бледный с самого начала, при упоминании имени Штрекмана бледнеет еще больше, торжественно поднимается и взволнованно говорит*). Господин лейтенант, я хочу сделать заявление об обручении. С божьей помощью я собираюсь вступить в святой брак.

Фламм (*опуская ружье, говорит небрежным тоном*). Прямо невероятно! Что это вы так торопитесь?

Фрау Фламм *(с юмором)*. Тебе-то какое дело, Кристель, подумать только! Пускай люди женятся! Ты прямо как проповедник! Если слушаться мужа, папаша Бернд, то на свете были бы одни холостые мужчины и незамужние женщины.

Фламм. Брак — ловушка для простаков. Вы, кажется, переплетчик Август Кейль?

Август. К вашим услугам!

Фламм. Вы живете в Вандрисе по ту сторону? И вы купили дом Лахмана?

Август. Именно так!

Фламм. Вы хотите открыть книжный магазин?

Август. Книжный и писчебумажный магазин. Да, быть может.

Бернд. Он думает главным образом продавать назидательные книги.

Фламм. При доме Лахмана имеется еще и земельный участок. Это, должно быть, у большого грушевого дерева?

Бернд и Август *(одновременно)*. Именно так.

Фламм. В таком случае мы соседи. *(Откладывает ружье и ищет в кармане связку ключей, после чего кричит во двор.)* Мина! Увези фрау Фламм! *(Садится за письменный стол, подавляя заметное волнение.)*

Фрау Фламм. Нечего сказать, вежливый муж! Но он прав! Я здесь лишняя! *(Опрятно одетой горничной, которая вошла в комнату и встала за ее креслом.)* Передвинь-ка меня, девушка, в охотничью комнату. Да причешись получше.

Фрау Фламм и горничная удаляются в охотничью комнату.

Фламм. Мне жаль Лахманов! *(Кейлю.)* У вас были сбережения для покупки земли?

Кейль взволнованно и смущенно покашливает.

Ну, в конце концов, это безразлично. Кто владеет этой землей, может быть доволен. Итак, вы хотите?.. А где же невеста? Как же так? Может быть, она против?

Август *(очень взволнованно и решительно)*. Мы столкнулись, насколько мне известно!..

Бернд. Я пойду и приведу ее сюда, господин Фламм. *(Быстро уходит.)*

Фламм *(с заметной рассеянностью открывая письменный стол и слишком поздно замечая исчезновение Бернда)*. Вздор, дело не горит. *(Пораженный, смотрит некоторое время на дверь, за которой исчез Бернд, потом пожимает плечами.)* Впрочем, делайте что хотите, поступайте как знаете! Я же займусь своей трубкой. *(Встает, вынимает из книжного шкафа кiset, берет со стены короткую трубку, набивает ее табаком и зажигает. При этом обращается к Августу.)* Вы курите?

Август. Нет.

Фламм. И не нюхаете табак?

Август. Нет.

Фламм. И не пьете ни пива, ни водки, ни вина?

Август. Ничего, кроме вина при святом причастии.

Фламм. Железные принципы! Примерный нрав!— Войдите!— Ведь, кажется, стучали? Или нет? Это, наверно, все проклятые псы возьтятся!— Вы иногда занимаетесь знахарством для времяпрепровождения?

Август качает отрицательно головой.

Я думал, что вы лечите молитвами! Кажется, я слышал об этом от кого-то.

Август. Очевидно, это было нечто другое, не знахарство.

Фламм. Почему?

Август. Вера может горы воротить. А что просят, истинно веруя, над тем господь и поныне всемогущ.

Фламм. Войдите! Ведь снова стучали? Войдите! Войдите же! Черт возьми!

Старый Бернд, сам очень бледный, вталкивает бледную, упирающуюся Розу. Одно мгновение она и Фламм смотрят друг другу пристально в глаза.

(После этого продолжает.) Хорошо! Подождите немного! *(Делает вид, будто ему надо что-то принести, и уходит в охотничью комнату.)*

Между Берндом, Розой и Августом происходит возбужденный разговор шепотом.

Бернд. Что же тебе сказал Штрекман?

Роза. Кто? Он? Ничего, отец...

Бернд. Ведь Штрекман был во дворе. Он все время тебе что-то говорил.

Роза. Да нет, что же он мог мне говорить?

Бернд. Об этом я тебя как раз спрашиваю.

Роза. А я вот как раз этого не знаю.

Август. Ты не должна связываться с этим проходимцем!

Роза. Что я могу поделать, если он заговаривает со мной.

Бернд. Ну вот видишь, он все-таки с тобой разговаривал.

Роза. Ну и что же? Я его не слушала.

Бернд. На этого Штрекмана мне нужно подать в суд. Я непременно подам на него жалобу. Когда мы шли мимо того места, где они работали на молотилке, — слышите, вот они начинают снова!

Слышен отдаленный шум молотилки.

Он что-то крикнул нам вслед! Что именно, я не слышал.

Август. Если девушка обмолвится с ним хотя бы двумя словами, о ней уже пойдет дурная слава.

Роза. Тогда поищи себе кого-нибудь лучше!

Флам м (*снова входит, он надел воротничок и охотничью куртку. Вид у него решительный*). Доброго утра всем. Что вам угодно? Когда должно состояться обручение? В чем дело, однако? Вы не столковались между собой? Да скажите же, пожалуйста, хоть одно слово! Эге, люди, да у вас еще ничего не улажено?! Я хочу вам дать один совет: идите домой, подумайте до завтра и, если вы решите, приходите снова.

Август (*решительно*). Дело уладится сейчас!

Флам м. Я не имею ничего против, Кейль! (*Собираясь сделать заметки карандашом.*) Итак: когда это состоится?

Бернд. Мы бы хотели как можно скорее.

Август. Через четыре, пять недель, если возможно.

Флам м. Уже через четыре, пять недель!

Август. Да, господин Флам м!

Ф л а м м. В таком случае я прошу указать точный срок. Здесь нельзя действовать опрометчиво и...

Р о з а (*сильно волнуясь, произвольно*). Неплохо бы еще немного подождать!

Ф л а м м. Что ты имеешь в виду? Что вы имеете в виду, хотел я сказать. Мы, правда, знаем друг друга с детства. Но если девушка становится невестой, к ней не обращаются больше на «ты». Итак, пожалуйста: вы, кажется, не согласны.

А в г у с т (*вздвигнув при словах Розы от неожиданности, пристально смотрит на нее. Подавив волнение, с зловецким спокойствием*). Ну, ладно! Прощайте и будьте здоровы, папаша Бернд!

Б е р н д. Ты останешься здесь, Август, говорю я тебе! (*Розе.*) А ты! Тебе я хочу кое-что сказать! Или — или! Ты меня понимаешь! Я был к тебе долго снисходительным. И Август также, более чем следовало. Мы терпели твои причуды. Мы все думали: терпение, терпение! Наш господь бог образумит ее. А ты с каждым днем все хуже и хуже. Три дня тому назад ты мне твердо обещала и Августу дала согласие, да и сама никак не могла дожждаться. А сегодня ты снова ничего не хочешь об этом знать. Что это значит? Что ты, собственно говоря, думаешь? Ты думаешь, что можешь себе все позволить, потому что ты честная молодая девушка? Потому что ты самостоятельная и трудолюбивая и потому что о тебе никто не может сказать ничего плохого? Но ты не единственная. Так и должно быть! Здесь нечем гордиться. И другие девушки не бегают по танцам! И другие воспитали маленьких братишек и сестреночек и вели хозяйство у старого отца! Не все же шлюхи и негодницы, не одна ты скромная, хорошая девушка. А что было бы, если бы это было иначе? Ты тогда давно бы уже валялась на улице! Такой дочери у меня бы не было. Этот человек — Август — в тебе не нуждается! Такому человеку стоит только пальцем поманить... и к нему сбегится целая куча девушек из самых лучших семейств. Еще лучше, может быть, чем ты. Поистине тут у каждого терпение лопнет. Да, тут должно терпение у каждого лопнуть. Высокомерие! Спесь! Заносчивость! Или ты сейчас сдержишь свое обещание...

Ф л а м м. Ну-ну, папаша Бернд! Будьте с ней помягче.

Б е р н д. Господин лейтенант, вы не знаете этой истории. Если девушка так терзает и мучает порядочного человека, то она не может быть моей дочерью.

А в г у с т (*чуть не плача*). Роза, в чем ты меня можешь упрекнуть? Почему ты ко мне так плохо относишься? В счастье свое я, конечно, никогда не верил, да и правда, за что бог пошлет мне счастье? Я обречен быть несчастным! Я вам говорил это всегда, папаша Бернд! Но я старался и работал, и господь мне в том помог, я себя не посрамил. Расхныкался я! Приходится! Иной раз так бывает! Для меня это слишком большое счастье! Я вырос в сиротском доме! У меня никогда не было семьи! Ни сестры, ни брата, никого, кроме Христа спасителя. Правда, я не красавец. Но я тебя спросил, и ты сказала: да! Ведь все дело в душе человека! Господь читает в наших сердцах! Ты еще жестоко расквешься! (*Хочет уйти.*)

Б е р н д (*удерживает его*). Еще раз говорю, Август! Останься! — Ты понимаешь, Розина! Все понимаешь! Этот человек... или... Я этого не могу допустить. Он был моей опорой, он так долго за тебя сватался. А когда я был болен и не мог работать и когда о нас никто не заботился, он делил с нами кусок хлеба.

А в г у с т, не в состоянии больше совладать со своим волнением, берет шляпу и уходит.

Он был для нас как ангел небесный! — Август!

Р о з а. Да я же согласна. Но вы ведь можете немного подождать!

Б е р н д. Он ждал тебя три года. И господин пастор тебя убеждал... Ему уже надоело! Кто посмеет его упрекнуть! Все имеет границы! Он прав! Ну, теперь ты видишь, с чем ты остаешься, знаешь, чего ты хочешь. Я больше не желаю с тобой возиться. (*Уходит.*)

Ф л а м м. Ну-ну! Ну-ну! Тысяча проклятий!

Роза то бледнеет, то краснеет. Видно, что она охвачена сильным внутренним волнением, которое моментами настолько значительно, что, кажется, с ней вот-вот будет истерика. После ухода Бернда девушка, все еще бледная, находится в оцепенении.

(Захлопнув книгу регистрации и набравшись мужества посмотреть на Розу.) Роза, приходи в себя! Что с тобой? Ты же не станешь расстраиваться из-за этой глупой болтовни?! *(Видя, что она дрожит и ее неподвижно устремленные глаза полны слез.)* Роза! Будь благоразумной! Что это значит?

Роза. Я знаю, чего я хочу, и я добьюсь своего. А если не получится, то мне ничего больше не нужно!

Флам м *(взволнованно ходит взад и вперед, прислушивается в сторону двери)*. Конечно, отчего же нет! *(Занятый якобы доской с ключами, с которой он берет ключ, шепчет со все большей поспешностью.)* Роза! Послушай! Роза! Роза, ты слышишь? Мы должны встретиться за фольварком! Я должен еще раз с тобой все обсудить. Тише! Моя жена в охотничьей комнате. Здесь нельзя разговаривать.

Роза *(с большим трудом, но энергично)*. Никогда, господин Флам м!

Флам м. Ты хочешь, наверно, нас всех с ума свести и перессорить друг с другом?! Ты что, с ума сошла, скажи на милость?! Я бегаю за тобой уже четыре недели и хочу толком с тобой поговорить, а ты избегаешь меня, словно я прокаженный... так вот! Потом получают такие истории...

Роза *(как и прежде)*. Пусть будет даже в десять раз хуже! Можете меня бить, я не заслуживаю лучшего! Можете забрасывать меня грязью, но...

Флам м *(стоит у стола удивленный, с возмущением резко поворачивается к Розе. Сдерживает себя. Вдруг непроизвольно ударяет кулаком по столу, так что все трясется)*. Тысяча чертей!

Роза. Ради бога...

В двери «охотничьей комнаты» появляется в своем кресле фрау Флам м, передвигаемая горничной.

Фрау Флам м. Что случилось, Флам м?

Флам м мрачнеет, но решительно берет себя в руки и, взяв палку и шляпу со стены, уходит в дверь справа.

(Удивленно смотрит своему мужу вслед, качая головой, и лишь затем обращается с вопросом к Розе.) Что случилось? Что это с ним?

Роза (*глубоко потрясенная*). Ах, дорогая фрау Фламм, я очень несчастна! (*Падает к ногам фрау Фламм и прячет лицо у нее в коленях.*)

Фрау Фламм. Ну расскажи мне... ну не надо, девочка... что у тебя стряслось? Что такое? Ты очень изменилась. Никогда я не смогу этого понять! (*Горничной, передвигающей кресло.*) Ты мне сейчас не нужна! Придешь потом! Приведи все на кухне в порядок!

Горничная уходит.

Ну, так! Что с тобой? Что случилось? Что бы там ни было, расскажи мне! Это принесет тебе облегчение! Что? Как? Что ты говоришь? Что ты сказала? Ты не хочешь выходить замуж за переплетчика Августа? Или у тебя в голове кто-нибудь другой? Да что там: один другого стоит, а по-настоящему никто тебя недостоеин.

Роза (*наконец успокаивается и встает*). Я знаю, чего я хочу, и это уже хорошо.

Фрау Фламм. Ах, так?! Видишь ли, я думала, может быть, ты не знаешь. Женщины иногда этого не знают. Не говоря уже о девушках твоего возраста. Старый человек может здесь иногда помочь. Но если ты это знаешь, то хорошо! Тогда ты и сама разберешься. (*Надев очки, окидывает ее зорким взглядом.*) Розина! Ты что, больна?

Роза (*испуганно, в замешательстве*). Больна? Как это?..

Фрау Фламм. Просто больна, как обычно бывает. Раньше ты выглядела иначе.

Роза. Но я ведь не больна?!

Фрау Фламм. Я этого и не говорю. Я только спрашиваю. Потому-то я и спрашиваю! Мы должны понять друг друга, послушай меня! Это так! Не станем же мы ходить вокруг да около! Не играть же нам в прятки. Ведь не думаешь же ты, что я к тебе плохо отношусь?

Роза энергично качает головой.

Ну вот и хорошо! Вот и договорились. Ты ведь играла еще с моим крошкой Куртом. Вы росли вместе, пока господь не забрал к себе мое единственное дитя. И тогда

же умерла твоя мать. Я хорошо помню, как она лежала на смертном одре!.. Она тогда еще просила меня, чтобы я по возможности позаботилась о тебе.

Роза (*неподвижно уставившись перед собой*). Самое лучшее для меня было бы утопиться! Раз уж так случилось... Господи, прости мне мой грех!

Ф р а у Ф л а м м. Раз уж так случилось? Что это значит? Я тебя не понимаю! Может быть, ты будешь немного яснее выражаться. Во-первых, я женщина, от меня ничего не ускользнет! И, кроме того, я еще и мать, хотя у меня сейчас и нет детей. Девушка, кто знает, что с тобой! Я за тобой наблюдаю уже несколько недель. Ты, может быть, этого не заметила... Ты должна сейчас рассказать всю правду. Передвинь-ка меня к комоду!

Роза передвигает кресло.

Так! Здесь в ящиках лежат его старые вещи. Детские вещи маленького Курта... Твоя мать однажды сказала мне: у моей Розы будет много детей! Право, у нее слишком горячая кровь! Я не знаю: вполне может быть, что она была права. (*Достает из ящика большую куклу.*) Вот видишь! Будь что будет. Ведь быть матерью не позор. Этой куклой играли и ты и Курт. Но больше возилась с ней ты: и мыла, и кормила, и вытирала, а когда однажды пришел Фламм, ты прижала ее к груди. Сегодня утром ты принесла цветы. Не правда ли, незабудки, там в вазочке? В воскресенье ты снова украсила могилу Курта. Дети и могилы — это женское дело. (*Достает из ящика детскую рубашонку, держит ее обеими руками за рукава и продолжает.*) Не так ли, Роза? Я очень благодарна тебе за это! Твой отец, он занят своими церковными делами, изучением библии и так далее. Он говорит, что все люди на этом свете грешники, и хочет всех сделать ангелами. Может быть, он прав, я в этом не разбираюсь. Я поняла лишь одно: что такое мать на этом свете и как ей приходится страдать.

Не в силах больше сдерживаться, Роза, хрипло всхлипывая, опускается на колени и в знак признания и благодарности целует руки фрау Фламм.

(По искре, блеснувшей в глазах фрау Фламм, видно, что она догадалась об истине и поняла признание, но она

продолжает спокойно.) Видишь ли, девочка, вот это я поняла. Я поняла, а мир об этом забыл. О многом другом я ничего не знаю. Я знаю не больше, чем знают все, а что знают все, то я не называю знанием. *(Осторожно кладет детскую рубашонку на колени.)* Ну, иди теперь домой и будь мужественной! Я хочу теперь сама все обдумать. Все хорошо! Больше я тебя сейчас ни о чем не спрашиваю. Ты теперь уже не просто женщина... А это значит — надо вдвойне быть осторожной. Большого я не хочу знать. Положись на меня! К отцам я вообще равнодушна: будь то советник или бродяга. Ведь рожать детей должны мы сами. Пока нам в этом никто не помогает. Нужно обдумать три вещи: как быть с Берндом, с Августом и еще кое-что; на это у меня есть время! Я хочу все сама как следует обдумать. Ведь, в конце концов, живешь на свете, чтобы делать людям добро.

Роза (снова выпрямляется и застывает в неподвижной позе). Ах нет, фрау Фламм, не делайте этого! Не стоит. Вы не должны обо мне заботиться! Я этого ни от вас, ни от других не заслужила. Я это знаю! Я должна сама за все расплачиваться! На других надеяться я не имею права! Это... яснее я не могу объяснить! Вы добры, как ангел. Видит бог, вы слишком добры ко мне! Не стоит! Я не могу согласиться на это. Прощайте, фрау Фламм!

Фрау Фламм. Побудь еще со мной! Я не могу тебя сейчас отпустить в таком состоянии. Кто знает, что ты можешь натворить.

Роза. Нет, вы можете быть совершенно спокойны, фрау Фламм: над собой я не собираюсь пока ничего делать! В крайнем случае я могу прокормить ребенка своим трудом: под небом всем хватит места, свет велик! Если бы дело было только во мне, и не было бы отца, и Август не упрекал бы меня... ведь у ребенка должен быть отец!

Фрау Фламм. Правильно! Всеми силами добивайся своего! Ты ведь всегда была дельной девушкой! Тем лучше, если ты не унываешь! Но если я тебя правильно поняла, тогда я не могу понять другое: почему ты противишься свадьбе.

Роза (*снова замкнутая, бледная, со страхом*). Что мне сказать вам? Сама не знаю! Дальше я не стану противиться... только вот Штрекман...

Фрау Флам м. Будь откровенной, ты меня понимаешь!.. Пожалуй, иди сейчас домой. Завтра приходи снова! Послушай меня! Будь рада! Ребенку надо радоваться...

Роза. Я рада, видит бог! Я уж своего добьюсь, только помочь мне в этом никто не может. (*Быстро уходит.*)

Фрау Флам м (*одна, смотрит ей вслед, вздыхает, берет рубашонку, лежащую на коленях, расправляет ее и говорит*). Ну, девочка, это же счастье, то, что с тобой произошло! Для женщины нет большего счастья! Запомни это.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Плодородная местность. Справа между полями на треугольной полянке, расположенной в небольшой низинке, старое грушевое дерево, рядом с ним прозрачный источник в простой каменной оправе. За полями — луга. На заднем плане сцены, в окружении ольхи, зарослей лесного ореха, ив и бука, — напоминающий озеро пруд, заросший у берега камышом и водорослями. За ним — вновь луга и расположенные полукругом вековые дубы, вязы, бук и березы. Между кустарниками и деревьями виднеются колокольни и крыши расположенных в отдалении деревень, слева за кустами — соломенные крыши фольварка. Жаркий летний полдень в начале августа. Издали доносится шум молотилки. Справа появляются усталые и изможденные от работы и жары старый Бернд и Август Кейль. Оба без сюртуков, в одних рубашках, брюках, сапогах и фуражках; у каждого из них через плечо мотыга, в руках коса, на кожаном поясе коровий рог с оселком.

Бернд. Здорово жарко сегодня! Нужно немного отдохнуть! Но на собственной земле приятно работать.

Август. Я совсем не привык косить траву.

Бернд. Однако ты держался молодцом.

Август. Да что вы! Я никак не дождусь, когда это кончится! Все суставы ломит.

Бернд. Будь доволен, зять. Нужно привыкнуть к такой работе. А для тебя она вообще лишь исключение. Но, повторяю, ты уже сейчас можешь пойти с косцами.

Август. Один день, может, и выдержу, а на второй — свалюсь. Болен я. Опять был у окружного лекаря. Он, как всегда, только плечами пожал.

Бернд. Ты здоров, и жизнь твоя в руках божьих. Положи несколько ржавых гвоздей в воду и пей два-три

раза в неделю настой. Это очищает кровь и укрепляет сердце. Только бы погода продержалась.

Август. Невыносимая жара, слишком душно. Мне показалось, что гремел гром.

Бернд (*встав на колени на ограду источника, пьет ртом прямо из водоема*). Все же вода — лучшее питье!

Август. Сколько сейчас времени?

Бернд. Четыре будет. Меня удивляет, что нет Розы с полдником. (*Поднимается и рассматривает острие прислоненной к дереву косы.*)

Август делает то же самое.

Не надо ли ее подточить? Моя еще острая.

Август. Ничего, я попробую еще поработать ею.

Бернд (*ложится под грушевым деревом на траву*). Иди лучше сюда и садись рядом со мной! Было бы у тебя с собой евангелие, мы могли бы почитать сейчас что-нибудь назидательное.

Август (*усталый, с облегчением ложится*). Я лишь говорю: благодарение и слава господу.

Бернд. Вот видишь, Август, я тебе сразу сказал: оставь ее пока в покое. Девка сама успокоится! Вот она и образумилась. Раньше, когда ты еще не сватался к Розе, я подчас прямо ломал себе голову! Она бывала иногда такой своенравной! Лучше всего не обращать на нее внимания! Иногда, ей-богу, бывало так, как будто она на стену натыкалась, невидимую, незримую, — ну и впрямь ходила вокруг нее ощупью.

Август. Какой злой дух вселился тогда в нее! Теперь я готов на коленях благодарить бога, но тогда я растерялся. Что это она вдруг... отчего бы это? Я до сих пор ничего не разберу.

Бернд. А как было на этот раз при регистрации по сравнению с прошлым разом?

Август. Я рад, что староста уже не Фламм.

Бернд. На этот раз Роза и слова не сказала, и в четыре-пять минут все было готово. Вот какой она иногда бывает! Таковы женщины.

Август. Не Штрекман ли тут замешан? Он вам вслед что-то крикнул, а до этого он в чем-то убеждал Розу...

Бернд. Может быть, да, а может быть, и нет! Этого я не знаю. От нее иной раз ничего не узнаешь. Это, видишь ли, очень плохо. Потому я и рад, что Роза нашла себе мужа, который сумеет на нее повлиять, сумеет обращаться с этим строптивым существом. Вы подходите друг другу. Она ведь хорошая. С ней нужно только уметь ладить, а ты обходительный и мягкий человек.

Август. Когда я вижу машиниста Штрекмана, мне кажется, что я вижу сатану.

Бернд. Может быть, она побоялась, что этот парень набезобразничает. Он ведь с детства был испорченным. Его мать не раз мне жаловалась на него. Вполне возможно! Он на все способен.

Август. Когда я вижу этого человека, я себя не помню, меня бросает в жар и холод, я готов роптать на отца небесного, что он сотворил меня не Самсоном! Да простит мне господь злые мысли.

Слышен свисток локомотива.

Вот он!

Бернд. Не думай ты о нем!

Август. Ну, ладно, коли уж все в прошлом, я уединюсь в наших четырех стенах, и мы будем вести спокойную жизнь.

Бернд. Дай нам бог спокойной, хорошей жизни.

Август. Я больше не хочу никого знать. Мне тошно на всех смотреть! У меня такое отвращение к людям, что я прямо... да, отец, как бы это тебе сказать? Если мне бывает уж слишком горько на душе, то я смеюсь, и тогда я готов с радостью умереть. Я бываю этому рад, как ребенок.

Через поле быстро приближаются несколько работников, старая женщина и две девушки, идущие из имения Фламма, их всех мучает сильная жажда. Это Ган, Гейнцель, Голиш и старуха Голиш, его жена, старый Клейнерт, старшая и младшая работницы. Мужчины в одних рубашках и брюках, женщины в подвернутых юбках, с косынками на плечах и в пестрых головных платках.

Ган (*тридцати лет, загорелый, энергичный*). Я все же первый добрался до воды! Вы можете сколько угодно

подзуживать. Где уж вам меня догнать! (*Становится на колени и нагибается над водой.*) Лучше всего прыгнуть сейчас в воду.

Младшая работница. Только посмей! Мы очень хотим пить. (*Старшей работнице.*) Есть у тебя чем зачерпнуть?

Старшая работница. Подожди! Сначала надо старшей.

Гейнцель (*оттаскивает обеих женщин за плечи, протискивается между ними и становится у источника*). Сначала мужики, а после уж бабы.

Клейнерт. Здесь всем хватит места! Не так ли, папаша Бернд? Хлеб да соль!

Бернд. Конечно, конечно. У нас просто еще нечего есть. Мы вот все еще ждем, чтобы нам принесли.

Голиш. Я-я-я... хоть выжимай меня! Мой язык как кусок дерева во рту.

Старуха Голиш. Воды!

Клейнерт. Здесь для всех хватит.

Все жадно пьют воду, кто прямо из водоема, кто зачерпнув воду в пригоршню, в шапку, в горшок или бутылку. Слышно лишь, как все жадно глотают воду и облегченно вздыхают.

Гейнцель (*вставая*). Вода хороша, но пиво было бы лучше.

Ган. Стаканчик водки сейчас бы не помешал.

Голиш. Август мог бы нам поставить четверть вина.

Старуха Голиш. Пускай он лучше пригласит нас на свадьбу.

Голиш. Мы все придем на свадьбу. Должно быть, теперь скоро.

Гейнцель. Я не приду, он поднесет нам одну воду. А это я могу получить и здесь... или несколько глотков кофе...

Ган. И при этом придется молиться и петь. Кто его знает, может быть, еще придет пастор из Енкау и заставит нас читать все десять заповедей.

Гейнцель. Или семь молитв! Это было бы совсем худо. Я все перезабыл.

Клейнерт. Люди, оставьте вы Августа в покое, я

вам говорю — была бы у меня дочка, лучшего зятя я бы и не желал себе: он свое дело знает, он на своем месте.

Рабочие и работницы собрались в полукруг и полдничают. Они пьют кофе из жестяных банок и закусывают хлебом, отрезая небольшие кусочки от каравая.

Старуха Голиш. Вон за фольварком идет Роза Бернд.

Голиш. Посмотрите только, как она ловко прыгает.

Клейнерт. Ей все нипочем. Поднимает мешок с пшеницей и тащит его прямо на сеновал. Я сегодня утром видел ее. У нее был на тележке платяной шкаф, она везла его в новый дом. Девка кровь с молоком, она сумеет управлять своим хозяйством.

Ган. Если бы у меня дела шли так, как у Августа, я бы и в ус себе не дул: и я попробовал бы стать богомол.

Голиш. Для этого надо умение, тогда выйдет.

Ган. Когда подумаешь, как он раньше бегал с сумкой и продавал по деревням книги, опять же как он писал людям письма... Ныне у него в Вандрисе лучший дом с землей, и он женится на лучшей девушке во всей округе.

Появляется Роза. Она принесла в корзине еду для Августа и старого Бернда.

Роза. Хлеб да соль!

Люди. Хлеб да соль! Хлеб да соль! Благодарствуем!

Голиш. Так ты уморишь своего любимого голодом, Розочка!

Роза (*весело распаковывает*). Ну вот еще! Так скоро с голоду не умирают!

Гейнцель. Получше корми его, Роза, иначе он не вытянет.

Голиш. Да-да, иначе он будет у тебя слишком тощим!

Бернд. Где ты пропадала так долго, а? Мы ждем тебя уже полчаса.

Август (*всполголоса, сердито*). Ну вот, снова вся компания здесь! Без них мы бы давно уже управились.

Старуха Голиш. Брось ворчать, а ты, девушка, не обращай на это внимания!

Роза. Кто же это ворчит, Голиш? Кто здесь может ворчать? Да Август никогда в жизни не ворчит.

Старуха Голиш. А хоть бы и ворчал! Я тебе говорю: ты не должна обращать на это внимания.

Гейнцель. Если сейчас не ворчит, то потом будет.

Роза. Я не боюсь, если иногда и поворчит.

Голиш. Скоро же у вас все на лад пошло!

Роза. Да мы ведь всегда ладили! (*Целует Августа.*)

Среди окружающих смех.

Что это вы смеетесь? Иначе и быть не может.

Голиш. А я-то вообразил, что... заберусь когда-нибудь к тебе в окно...

Клейнерт. Тогда ты и костей своих не соберешь.

Старшая работница (*язвительно*). Да нет! Чего там! Я бы на его месте все же попыталась. Почему знать?

Бернд (*нахмурившись, спокойно, старшей работнице*). Держи язык за зубами!

Клейнерт. Ты слышишь: он тебе говорит, чтоб ты помалкивала. Этот старый Бернд совсем не понимает шуток.

Роза. Да она уже замолчала! Оставьте ее в покое!

Клейнерт (*закуривая трубку*). С виду Бернд довольно добродушный, но, когда он рассердится, вы не поверите, каков он. Я помню, когда он был управляющим, бабам было не до смеха. Десяти таким задал бы он перцу, тогда уж не погуляла бы с парнями.

Старшая работница. Да кто гуляет?

Клейнерт. Об этом надо спросить машиниста Штрекмана.

Старшая работница (*сильно покраснела*). Да по мне, спрашивайте хоть самого господ бога!

Среди окружающих смех.

Появляется машинист Штрекман. Он только что с молотилки и весь в пыли; слегка пьян.

Штрекман. Кто здесь поминает машиниста Штрек-

мана? Здесь он! Перед вами! Кому охота со мной потягаться? Добрый день! Хлеб да соль всем.

Старуха Голиш. Стоит только заговорить о сатане, как он сразу тут как тут.

Штрекман. Ну, а тебя я нарекаю чертовой бабушкой. *(Снимает фуражку с кокардой и вытирает со лба пот.)* Ох, люди добрые, никаких сил не хватает: на такой чертовской работе останутся от человека кожа да кости. — Здравствуй, Август! Здравствуй, Роза! Здравствуй, папаша Бернд! Господи, да что у вас — язык отнялся?

Гейнцель. Оставь их в покое! Им сейчас неплохо живется.

Штрекман. Да, господь послал им спокойный сон. Это наш брат надрывается, да все впустую. *(Опускается на землю, втиснувшись между Гейнцелем и Клейнертом, и дает свою бутылку с водкой Гейнцелю.)* Пустика ее по кругу!

Старуха Голиш. Ты ведь прекрасно живешь, Штрекман! На что тебе, господи, жаловаться! Зарабатываешь вдвое, втрое больше нас, а должен всего лишь немного постоять у машины.

Штрекман. Голова работает! С других беру пример. Башку надо иметь на плечах. С вашими соломенными головами, конечно, толку не добьешься. Попробуйте-ка! Да что понимает старая баба? А в общем-то я очень страдаю.

Голиш. Ах ты господи, Штрекман страдает.

Штрекман. И еще как! Мне так все тошно, говорю я вам... не то живот болит, не то сердце. Так погано на душе, что хочется натворить что-нибудь дикое. *(Младшей работнице.)* Лечь мне, что ли, к тебе?

Младшая работница. Попробуй только, я тебе голову разобью этим точилом.

Голиш. Вот в этом все его страдания: у него будет темно в глазах, он не будет ничего видеть, но с бабой вмиг ляжет.

Громкий смех.

Штрекман. Смейтесь себе, дурачье! Хоть до слез! Здесь нет, говорю я, ничего смешного. *(Паясничая.)*

Хоть бы мне руку машиной оторвало! Хоть бы меня поршнем придавило! По мне, пускай убьет меня хоть эта девчонка. (*Кивает на младшую работницу.*)

Ган. Ты, чего доброго, и амбар тогда можешь поджечь!

Штрекман (*защищаясь*). Никогда! Огня у меня самого девать некуда. Вот Август — это счастливый человек.

Август. Счастливый я или несчастливый — это никого не касается.

Штрекман. Что я тебе делаю? Будь пообходительней!

Август. Обходительный я с кем другим, но не с тобой.

Штрекман (*смотрит на него долго, с ненавистью, туго, затем подавляет свою ярость и берет возвращенную ему бутылку с водкой*). Дайте сюда! Нужно залить свою печаль! (*Розе.*) Тебе нечего на меня смотреть, все кончено! (*Встает.*) Я уйду. Я не хочу встречать между вами.

Роза. По мне, хочешь иди, хочешь оставайся.

Старуха Голиш (*зовя Штрекмана*). Штрекман, что это недавно произошло? Три недели тому назад, у молотилки! Мы тогда еще капусту убирали.

Женщины и работники разражаются смехом.

Штрекман. Уж все прошло! Я об этом ничего не помню.

Старуха Голиш. А еще хвастался!

Клейнерт. Будет вам околесицу нести!

Старуха Голиш. Пускай в другой раз не хвастается.

Штрекман (*возвращается*). Что сказал, то и исполню. И на спасение души не посмотрю! Ну ладно, все! Больше я ничего не скажу. (*Уходит.*)

Старуха Голиш. Молчать-то ему легче всего.

Штрекман (*возвращается вновь, хочет что-то сказать, но преодолевает свое желание*). Нет! Ты меня не подденешь на удочку! Но если тебе уж так хочется знать, спроси вот Августа, а также папашу Бернда!

Бернд. В чем дело? Что мы должны знать?

Старуха Голиш. А то, что случилось тогда у старосты... вы шли мимо, а Штрекман прокричал вам вслед кое-что...

Клейнерт. Пора забыть об этом!

Старуха Голиш. Да что тут такого! Я ведь просто шучу. Вы тогда договорились? Или Роза была еще несогласна?

Бернд. Да простит вам всем господь ваши грехи. Я же хочу только спросить вас, почему вы не оставляете нас в покое? Разве мы вам что-нибудь сделали?

Голиш. Да и мы вам ничего не делаем.

Роза. Была я тогда согласна или нет, пусть это вас не беспокоит. Теперь я согласна, и все тут.

Клейнерт. Правильно, Роза! Отрубила так отрубила!

Август (*до этого читавший для вида Новый Завет, захлопнув книгу, встает*). Пойдем, отец, займемся работой.

Ган. Это будет потруднее. Это тебе не молитвенники склеивать да клей размешивать.

Гейнцель. И особенно после свадьбы, ведь тогда особенно нужны силенки. На такую девушку, как Роза, нужно немало сил.

Смех.

Штрекман (*тоже громко смеясь*). О боже! Я чуть было не сболтнул лишнего. (*Снова присоединяется ко всем.*) Я вспомнил вдруг одну пословицу! Сказать? В тихом омуте черти водятся! Это значит, что сразу не следует слишком входить во вкус! Она ведь будет все сильнее, эта жажда.

Старая Голиш. Что такое? Где это ты входил во вкус?

Бернд. Он говорит, наверно, о выпивке.

Штрекман. Я уйду! Прощайте! Я ведь не злой! Прощай, папаша Бернд! Прощай, Август! Прощай, Роза! (*Августу.*) В чем дело? Не важничай, Август! Ведь все в порядке! Я тебе говорю! Вы меня больше не увидите! Но ты, ты должен быть мне благодарен. А у тебя всегда коварство на душе! Это я уладил твое дело! Уладил, и тогда все пошло гладко. (*Уходит.*)

Роза (*резко*). Пускай себе говорит, не обращай внимания, Август!

Клейнерт. Фламм идет! (*Смотрит на часы.*) Уже прошло более полчаса!

Слышен свисток локомотива.

Ган (*поднимаясь вместе со всеми*). Вперед, прусаки! Нужда зовет!

Работники с косами и женщины быстро уходят. Остаются Роза, старый Бернд и Август.

Бернд. Здесь прямо Содом и Гоморра! Чего только не болтает этот Штрекман! Скажи, Роза, ты понимаешь что-нибудь!

Роза. Не-ет! У меня голова занята более важными делами! (*Дает Августу подзатыльник.*) Не так ли, Август! У нас нет времени для такой ерунды. За эти шесть недель мы должны много сделать. (*Убирает остатки еды в корзину.*)

Август. Подойди потом к нам ненадолго!

Роза. Мне еще нужно стирать, гладить да петли метать. Всего лишь только и осталось.

Бернд. Мы придем ужинать после семи. (*Уходит.*)

Август (*прежде чем уйти, серьезно*). Ты меня любишь, Розхен?

Роза. Да, люблю.

Август уходит.

Роза остается одна. Слышны шум молотилки и отдаленные раскаты грома. Положив в корзину хлеб, масло, кувшин и чашки, Роза выпрямляется и, держа корзину на руке, всматривается в даль где ее что-то привлекает и манит. Внезапно решившись, она подхватывает соскользнувший с головы платок и быстро уходит. Однако, прежде чем она скрывается из виду, появляется с ружьем на плече Фламм, который окликает ее.

Фламм. Роза! Стой! Да стой же, черт возьми, тебе говорят!

Роза останавливается, отворачивается.

Дай мне напиток. Разве я не стою глотка воды?

Роза. Да вот же вода.

Флам м. Я не ослеп. Но я не хочу лакать, как теленок. Не найдется ли у тебя в корзинке чашки, что ли?

Роза раскрывает корзину.

Ну же! О, даже кувшин чеканной работы! Из бунцлавских кувшинов пить особенно приятно.

Роза протягивает ему кофейник, снова отворачивая лицо.

Не можешь ли ты быть немного любезнее. Тебе придется все же еще раз себя побеспокоить.

Роза идет к источнику, полощет кувшин, наполняет его водой, ставит его возле источника, отходит к корзинке, поднимает ее и ждет, повернувшись спиной к Фламму.

Нет, Роза, так не годится! Так обращаться с собой может позволить лишь бродяга, а на бродягу я как будто не похож! Как-никак, я все еще староста Флам м! Дашь ли ты мне напиток или нет? Считаю раз! Считаю два! Считаю три! Ну, все! Теперь веди себя, пожалуйста, прилично! Не медли!

Роза снова подходит к источнику, берет кувшин и держит его перед Фламмом; снова отворачивает лицо.

Так! Сюда! Нет, все еще не годится.

Роза. Да нет, вы же должны сами держать.

Флам м. Кто же так пьет?

Роза (*невольно улыбаясь, поворачивает голову*). Да нет...

Флам м. Вот так уже лучше! Так хорошо! (*Как бы невзначай и якобы только для того, чтобы держать кувшин, кладет свои руки на руки Розы и все ниже нагибается, пригубив из кувшина, пока не вынужден встать на одно колено.*) Так! Большое спасибо, Роза! Ну, теперь попробуй от меня отделаться.

Роза (*делает слабые попытки вырваться*). Ах, нет! Отпустите меня, господин Флам м!

Флам м. Так? Ты полагаешь! Значит, ты полагаешь, я должен тебя отпустить? Теперь, когда ты, наконец, со мной?! Нет, девушка, так легко тебе от меня не отделаться! Не выйдет! Не требуй этого от меня! И не пытайся! Ты не сможешь от меня ускользнуть! Сначала

посмотри-ка на меня снова как следует! Я все тот же. Взгляни-ка мне в глаза! Я знаю! Я обо всем знаю, обо всем! Я говорил с казначеем Штекедем, когда вы пришли к согласию. Слава богу, я теперь больше не чиновник по сводным делам! У лисьего капкана теперь другой. Я знаю также, когда будут похороны... черт возьми, я хотел сказать — свадьба! И, кроме того, я рассуждал сам с собой. Роза очень трудный орешек! — сказал я себе. — Но надо надеяться, что зубов об него я не обломаю.

Роза. Мне нельзя так с вами стоять, господин Фламм!

Фламм. Ты должна! Можно тебе или нельзя, мне совершенно безразлично! Мне на это абсолютно наплевать! Если уж на то божья воля, то с солдатом нужно по крайней мере как следует проститься, а взять да просто выставить за дверь — это уж слишком. — Роза, разве я в чем-нибудь перед тобой провинился?

Роза (*энергично качая головой, мягко*). Нет, вы ни в чем не виноваты, господин Фламм.

Фламм. Ни в чем? Это правда?

Роза энергично и утвердительно кивает головой.

По крайней мере хоть это меня радует! Я так всегда и думал! Ведь у нас есть о чем вспомнить! Ах, Роза, что это было за прекрасное время!

Роза. Вы не должны покидать свою жену.

Фламм. Если бы оно так быстро не пролетело! Прекрасное время! Что от него осталось?

Роза. Вы должны хорошо относиться к своей жене, господин Фламм! Ваша жена просто ангел, она меня спасла.

Фламм. Иди сюда! Пойдем сядем-ка под грушевое дерево! Там так хорошо! В чем же дело? Я всегда хорошо отношусь к жене. Мы в превосходных отношениях друг с другом. Иди сюда, Роза! Расскажи мне об этом подробно! Итак: как это было? Спасла? Что? От чего это она тебя спасла, Роза? Меня это, естественно, интересует. Что, собственно, тогда с тобой случилось? Мать все время на что-то намекает. Но пока еще я в этом не разобрался.

Роза. Господин Кристоф! Господин Фламм! Я не могу сесть! Да это ведь не важно. Все равно это не приведет ни к чему: все прошло — и хорошо! Все конечно. Я знаю: господь простит мне мой грех. Он не будет взыскивать и с невинного ребенка. Для этого он слишком великодушен.

Фламм (*в то время как шум молотилки усиливается*). Без конца этот проклятый шум! Что? Роза, ты должна на минутку сесть! Я тебе ничего не сделаю. Я не прикоснусь к тебе! Честное слово, Роза! Ты должна мне все рассказать! Верь мне хоть немного!

Роза. Да... конечно... Ничего я больше не знаю! Раз я уже замужем, спросите об этом фрау Фламм, может быть, она вам скажет, что сейчас со мной. Я еще и Августу не сказала! Я знаю, он хороший! Поэтому я и не боюсь! Потому что у него мягкое сердце, и он хороший христианин. Ну, теперь прощайте, Кристоф! Прощайте, будьте здоровы! Впереди еще целая жизнь, можно быть по-настоящему верным, бичевать себя, праведно трудиться, заглаживая трудом свою вину.

Фламм (*крепко держит руку Розы*). Роза, побудь еще немножко! Я согласен с тобой! На твою свадьбу, видит бог, я не приду! Однако хотя я и не буду на свадьбе, я признаю, что ты права. Милая, мне было с тобой так хорошо... так по-настоящему хорошо... Я не могу высказать, до чего хорошо!.. Черт его знает, с тех пор... с тех пор как я себя помню, — ты обворожила меня еще ребенком, — ты всегда была такой честной, такой искренней в тысяче мелочей, а если тебя о чем-нибудь спрашивали, такой прямодушной! Никогда никакого обмана и уверток, даже когда ты разбила нечаянно зеркало. Я знал достаточно женщин и в Тарандте, и в Эберсвальде в академии, и когда был офицером; мне почти всегда безумно везло, однако что такое счастье, я знаю только теперь благодаря тебе.

Роза. Ах, Кристель, и мне было с вами тоже хорошо.

Фламм. С малых лет ты была влюблена в меня! Иногда ты смотрела на меня такими искрящимися глазами... Будешь ли ты иногда об этом вспоминать? Старого взбалмошного грешника Фламма.

Роза. Да, конечно! У меня есть залог тому.

Фламм. Ах, да: колечко с камнем... Ты будешь иногда заходить к нам?

Роза. Так не годится. Это будет только терзать душу. Это было бы двойным мученьем. С этим нужно покончить! Я схороню себя в нашем доме! Я буду работать на свою семью до седьмого пота! Для меня начинается новая жизнь, и на старую оглядываться больше нельзя. На земле одни страдания и нужда, и мы должны уповать на небо.

Фламм. Мы видимся в последний раз, Роза?

Роза. Отец и Август, наверно, уже удивляются!

Фламм. Если даже удивятся рыбы в воде, а выпь на голову встанет, я не откажусь сейчас ни от одной секунды. Значит, все должно быть кончено? И старую не хочешь ты навещать?

Роза (*качая отрицательно головой*). Я не могу ей больше в глаза смотреть! Может быть, позже когда-нибудь! Лет через десять! Тогда, возможно, мне удастся себя перебороть. Прощайте, господин Кристоф! Прощайте, господин Фламм!

Фламм. Ладно! Я говорю тебе, девушка, если бы не старая, я бы не стал мешкать; я бы без промедления решил, как мне поступить.

Роза. Да, только словечко «если» мешает! Если бы не было Августа и отца, кто знает, как бы я поступила! Скорее всего я ушла бы куда глаза глядят.

Фламм. И я с тобой, Роза! Вот как было бы, значит! А сейчас дай мне еще раз твою руку... (*Пожимает ей руку на прощанье.*)

Они смотрят друг другу в глаза.

Значит, так: чему быть, того не миновать! А теперь разойдемся в разные стороны! (*Решительно поворачивается и, не оглядываясь, идет твердым шагом.*)

Роза (*смотря ему вслед, борется с собой, с большой силой воли*). «Чему быть, того не миновать!» Ну и ладно! (*Кладет кувшин обратно в корзинку и собирается идти в обратном направлении.*)

Появляется Штрекман.

Штрекман (*бледный, с искаженным лицом, угорливо, боязливо*). Роза! Роза Бернд! Ты не слышишь? Здесь опять был этот бездельник Фламм?! Попадись он мне когда-нибудь, я ему все ребра переломаяю! В чем дело? Что он опять от тебя хочет? Но я тебе говорю: так не пойдет, я этого не потерплю! Я ничем не хуже его! Я не позволю себя так просто отшить.

Роза. Что вы говорите? Кто вы такой вообще?

Штрекман. Кто я такой? Проклятье! Ты это узнаешь.

Роза. Да, кто вы такой? Где я вас видела?

Штрекман. Ты? Ме-ня? Где ты меня видела, девушка? Полно меня дурачить, поищи другого.

Роза. Что вы хотите? Кто вы такой? Что вы от меня хотите?

Штрекман. Ни черта я не хочу! Ничего, поняла? Ради бога... не кричи так!

Роза. Я созову весь народ, если вы от меня сейчас же не отстанете.

Штрекман. Подумай о вишневом дереве. Подумай о распятии у дороги!

Роза. Кто вы такой? Это ложь! Что вы от меня хотите? Или вы уйдете... или я закричу изо всех сил, позову на помощь.

Штрекман. Девка, да ты с ума сошла.

Роза. По крайней мере не надо будет мучиться. Кто вы такой? Ложь! Вы ничего не видели. Я закричу! Я закричу что есть силы, если вы сейчас же не уберетесь!

Штрекман (*испуганно*). Роза, я ухожу! Замолчи только, все в порядке.

Роза. Нет, сейчас же! Немедленно! Поняли?

Штрекман. Сейчас, сейчас! Пожалуйста! Как хочешь! Могу и уйти! (*Делает шутовской жест, как будто бежит от сильного ливня.*)

Роза (*с безудержной яростью*). Бежишь! Ничтожный подлец! Только и отрада, когда ты с глаз сгинешь. И с таким подлецом еще приходится иметь дело! Тьфу! Снаружи герой, а внутри гнилой: просто с души воротит.

Штрекман (*поворачивается, бледный, тревож-*

но). Ах! Это просто невыносимо! Что ты только говоришь! Просто противно! Почему ты тогда так набросилась?..

Роза. Я, я? Набросилась на тебя?

Штрекман. Ты что, забыла?

Роза. Негодяй!

Штрекман. Я и не отказываюсь.

Роза. Мерзавец, подлец! Что ты все подглядываешь, что ты следишь за мной? Кто ты такой? Кто вы такой? Что я сделала? Ты ходишь за мной по пятам! Ты затравил меня... всю душу мне перевернул. Негодяй! Хуже бешеной собаки!

Штрекман. Ты сама за мной бегала.

Роза. Что?

Штрекман. Ты сама пришла ко мне в дом и ввела меня в соблазн, да так, что небу стало жарко.

Роза. А ты...

Штрекман. Ну, в чем дело?

Роза. А ты? А ты?

Штрекман. Не упускать же мне лакомый кусочек.

Роза. Штрекман! Придет и твой черед! Слышишь! Подумай о своем последнем часе! Ты должен предстать перед праведным судьей! Я прибежала к тебе в смертельном страхе! Я молила тебя ради всего святого, чтобы ты не мешал мне выйти за Августа. Я ползала перед тобой на коленях... А теперь ты говоришь, что я за тобой бегала? Так вот: ты совершил преступление! В отношении меня ты совершил преступление! Это больше, чем подлость! Это вдвойне, втройне преступление! Господь покарает тебя за это.

Штрекман. Ничего! Положись на меня.

Роза. Такое ты говоришь? Ты опять за свое?! Дьявол! Я плюю тебе в лицо.

Штрекман. Вспомни вишню. Вспомни распятие у дороги!

Роза. Ты мне поклялся, что не будешь об этом говорить! Ты дал мне святую клятву! Ты поклялся, положив руку на крест, а сейчас ты снова меня преследуешь! Что ты хочешь?

Штрекман. Я не хуже Фламма. Ты не должна с ним больше путаться.

Роза. Захочу — и в постель к нему полезу, каналья! Это тебя совершенно не касается.

Штрекман. Ну, это мы еще посмотрим.

Роза. Что? Ты изнасиловал меня! Ты поймал меня в свои сети! Сбил с ног! Налетел на меня, как хищная птица! Я знаю! Я хотела добраться до двери! Ты разорвал мне кофту и юбку! Ты меня в кровь расцарапал! Я хотела убежать! Ты закрыл дверь на засов. Это преступление! Я донесу на тебя...

Появляются один за другим Бернд и Август. Вслед за ними — Клейнерт, Голиш и другие работники.

Бернд (*становится прямо перед Штрекманом*). Что здесь происходит? Что ты сделал моей дочке?

Август (*отстраняет Бернда, протискивается вперед*). Дай, я с ним поговорю, отец! Тебя спрашивают, что ты сделал Розе?

Штрекман. Ничего!

Бернд (*снова выходя вперед*). Что ты сделал моей дочке?

Штрекман. Ничего!

Август (*выходя вперед*). Сейчас ты скажешь, что ты ей сделал!

Штрекман. Ничего! Ни черта я ей не сделал!

Август. Или ты скажешь сейчас же, что ты ей сделал, или...

Штрекман. Или? Да что ты грозишь мне своим «или»? Руки прочь! Не хватай за горло!

Клейнерт (*пытается их разнять*). Перестаньте!

Штрекман. Руки прочь!

Бернд. Либо тебе сейчас будет крышка, либо...

Август. Что ты сделал Розе?!

Штрекман (*внезапно испугавшись, пятится к грушевому дереву и кричит*). Помогите!

Август. Что ты сделал Розе? Отвечай! Отвечай! Я хочу это знать. (*Пытается задержать Штрекмана.*)

Штрекман (*размахивается и ударяет Августа кулаком в лицо*). Вот мой ответ! Вот что я сделал!

Клейнерт. Штрекман...

Старуха Голиш. Держите Августа! Он падает.

Старшая работница (*подхватывает шатающегося Августа*). Август!

Бернд (*не обращая внимания на Августа, Штрекману*). Тебе придется отвечать! Это тебе даром не пройдет!

Штрекман. Вот свинство! Из-за какой-то девки, которая со всеми путается... (*Уходит.*)

Бернд. Что он сказал?

Клейнерт (*поддерживает вместе с Голишем, старшей работницей, Ганом и старухой Голиш Августа, находящегося в почти бессознательном состоянии*). У него глаз выбит!

Старуха Голиш. Бернд! Августу-то плохо пришлось.

Клейнерт. Нелегкое у него сватовство.

Бернд. Что? Что такое? Царь небесный! (*Подойдя к Августу.*) Август!

Август. У меня очень болит левый глаз.

Бернд. Роза, принеси воды!

Старуха Голиш. Вот несчастье-то.

Бернд. Роза, принеси воды, не слышишь ты, что ли?

Голиш. Теперь Штрекмана уж наверняка на год засадят.

Роза (*как бы только что очнувшись*). Он сказал... Он сказал... Да что же это значит?.. Ведь... куклу... мне подарили к рождеству...

Младшая работница (*Розе*). Ты спишь, что ли?

Роза. Об этом нельзя никому говорить! (*Младшей работнице.*) Нет. Нельзя! Ничего не поделаешь! Ах, если бы была жива мать!..

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Та же комната в доме Фламма, как и во втором действии. Субботний вечер в начале сентября. За письменным столом сидит Фламм над счетами. Недалеко от дверей, ведущих в сени, стоит Штрекман.

Фламм. Итого, вы должны получить еще двести шесть марок и тридцать пфеннигов.

Штрекман. Да, господин Фламм.

Фламм. Что это случилось с машиной? Один раз вы до обеда не работали.

Штрекман. Меня вызывали в суд. Машина была в полном порядке.

Фламм. Это по делу... Кейля?

Штрекман. Да. И, кроме того, на меня подал жалобу Бернд, будто я оскорбил его дочь.

Фламм (*берет из специального ящика деньги и считает их на большом столе*). Здесь двести... двести шесть марок пятьдесят пфеннигов, с вас двадцать пфеннигов.

Штрекман (*сгребает деньги и кладет на стол двадцать пфеннигов*). Примерно в середине декабря следовало бы еще поработать, господин Фламм.

Фламм. Еще два дня! Скажем, в начале декабря. Я хочу опорожнить большой амбар.

Штрекман. Хорошо, пусть это будет в начале декабря, господин Фламм. Прощайте!

Фламм. Прощайте, Штрекман... Скажите: чем может кончиться ваша история?

Штрекман (*останавливается, пожимает плечами*). Да ничем особенным, господин Фламм.

Ф л а м м. А как же?

Ш т р е к м а н. Я тут ни при чем. Этого нельзя было избежать.

Ф л а м м. Подумать только, какие последствия может повлечь за собой какой-нибудь пустяк. Из-за чего вы поссорились?

Ш т р е к м а н. Я ничего уже не помню. Я тогда... Должно быть, я был тогда сильно выпивши! Не могу сейчас ничего вспомнить.

Ф л а м м. Ведь переплетчик, говорят, человек мирный.

Ш т р е к м а н. Со мной он всегда затевает ссоры! Вообще же я и думать не хочу об этом! Я знаю только, что они напали на меня прямо как два хищных волка! Я думал, наступает мой конец! Иначе бы у меня не поднялась рука.

Ф л а м м. А глаз нельзя было спасти?

Ш т р е к м а н. Нет! Мне очень жаль. Но... теперь ничего не изменишь! В его несчастье я не виноват!

Ф л а м м. Дело само по себе достаточно неприятное! А когда вмешается суд, будет еще хуже! Главным образом мне жаль девушку.

Ш т р е к м а н. Я и сам никак не могу успокоиться, так меня это дело взяло за душу. Я давно уже не знаю, что такое сон, господин лейтенант. По сути дела мне нечего делить с Августом! Я... чист, как никогда!

Ф л а м м. Вы должны все же пойти к Бернду. Если вы оскорбили его дочь, будучи не в себе, вы можете просто взять свои слова обратно.

Ш т р е к м а н. Меня это не касается! Это его дело! Если бы он знал, к чему это приведет, он взял бы свою жалобу назад! Но сказать ему, что от этого его дочери будет только вред, должен кто-нибудь другой. Так вот! Прощайте, господин лейтенант!

Ф л а м м. Прощайте!

Ш т р е к м а н уходит.

(Про себя, взволнованно.) Если бы я мог схватить этого парня за горло!

Из «охотничьей комнаты» горничная выдвигает кресло с ф р а у
Ф л а м м.

Ф р а у Ф л а м м. Что ты там снова ворчишь, Фламм?

По ее знаку горничная удаляется.

Тебя что-нибудь взволновало?

Ф л а м м. Спасибо, все в порядке!

Ф р а у Ф л а м м. Это был не Штрекман?

Ф л а м м. Красавец Штрекман! Это был красавец Штрекман, именно он!

Ф р а у Ф л а м м. Как же обстоит теперь с этим делом, Фламм? Вы говорили не о Кейле?

Ф л а м м (*небрежно, пишет*). Да что ты, у меня в голове счета!

Ф р а у Ф л а м м. Я тебе, кажется, мешаю, Кристель?

Ф л а м м. Да не-ет! Посиди только немного спокойно.

Молчание.

Ф р а у Ф л а м м. Что другое, а это я умею.

Ф л а м м (*вспылив*). Черт возьми! Иной раз прямо хочется побежать в охотничью комнату и пристрелить этого негодяя! За это и ответить не жаль!

Ф р а у Ф л а м м. Ах, Кристель, ты меня пугаешь!

Ф л а м м. Я ничего не могу поделать. Я сам напуган! Так подл иной раз бывает человек, мать, говорю я тебе, так ничтожен среди всех каналов, насколько это вообще возможно, что даже у такого человека, выдавшего виды, как я, и то подчас переворачивается все нутро. Поистине век живи, век учись. Можно окончить все четыре факультета, постигнуть всякие премудрости, но в подлостях пойти не дальше пропедевтики.

Ф р а у Ф л а м м. Что тебя опять раздражает?

Ф л а м м (*снова что-то записывая*). Да я говорю так, вообще.

Ф р а у Ф л а м м. Я думала, что это связано с Штрекманом! Кристель, я не могу забыть эту историю! И, когда ты будешь к этому более расположен, я хочу с тобой откровенно поговорить.

Ф л а м м. Со мной? Какое мне, однако, дело до Штрекмана?

Ф р а у Ф л а м м. Это касается не непосредственно Штрекмана, не его самого! Но зато старого Бернда и

Розы Бернд. Видишь ли: для девушки это очень серьезная история! И если бы я не была прикована к этому креслу, я уже давно побывала бы у нее. Сама она не показывается.

Ф л а м м. Ты? У Розы? Какие у тебя там дела?

Ф р а у Ф л а м м. Послушай-ка, Кристель! Видишь ли, она ведь для нас не первая встречная! Я должна о ней позаботиться.

Ф л а м м. Ладно, мать! Делай что хочешь! Просто ты вряд ли сумеешь помочь этой девушке.

Ф р а у Ф л а м м. Почему же, Кристель? Что ты имеешь в виду?

Ф л а м м. Не нужно вмешиваться в чужие дела. Это вызывает только досаду, и за это платят неблагодарностью.

Ф р а у Ф л а м м. Да что ты! Досаду нужно сносить. А неблагодарность — обычная в свете награда! Что же касается Розы Бернд, я, право, не знаю, но мне всегда казалось, что она почти мое дитя. Послушай, Кристель, насколько я помню... еще когда отец был главным лесничим, ее мать уже тогда стирала у нас в доме. Затем на кладбище... я как сейчас вижу Розу, стоящую у могилы Курта. Сама я была тогда полуживая. Кроме нас, могу тебя в этом заверить, никто не был так безутешен, как она.

Ф л а м м. Пожалуйста, как хочешь! Какие же у тебя намерения? Я не могу себе этого представить, дитя ты этакое.

Ф р а у Ф л а м м. Сначала я хочу кое о чем полюбопытствовать.

Ф л а м м. О чем же?

Ф р а у Ф л а м м. Так... кое о чем! Обычно я не вмешиваюсь в твои дела. Но сейчас... сейчас мне хотелось бы кое-что узнать! Что это с тобой в последнее время?

Ф л а м м. Со мной? Я думал, ты говоришь о Розе Бернд!

Ф р а у Ф л а м м. Сейчас я говорю как раз о тебе.

Ф л а м м. Об этом можешь не беспокоиться, мать! Мои дела тебя не касаются.

Ф р а у Ф л а м м. Ты так полагаешь? Легко сказать! Однако когда сидишь так, как вынуждена сидеть я, и

видишь, что человек все время неспокоен, и знаешь, что он по ночам не спит, и слышишь в углу вздохи, и этот человек случайно является еще твоим собственным мужем,— то невольно приходят в голову разные мысли.

Ф л а м м. Послушай, мать, ты не в своем уме. Ты хочешь сделать меня совсем смешным! Вздохи! Я ведь не сошел с ума. Вот еще! Разве я портновский подмастерье?

Ф р а у Ф л а м м. Нет, Кристель, ты меня так не проведешь.

Ф л а м м. Мать, чего ты этим добиваешься? Ты, верно, хочешь мне досадить? Что? Ты хочешь, может быть, навеять на меня скуку? Хочешь прогнать меня из дому? Или что-нибудь в этом роде? Тогда, видит бог, ты не могла бы более хитро начать.

Ф р а у Ф л а м м. Я все же считаю, что ты от меня что-то скрываешь.

Ф л а м м (*пожимая плечами*). Ну, если ты считаешь, что я хочу от тебя что-то скрыть! Пусть будет по-твоему. Предположим, мать, что это так! Ты меня знаешь! В этом отношении ты меня знаешь! Весь мир может перевернуться, но никто у меня ничего не выведает. (*Прищелкивает пальцами.*) У каждого много своих неприятностей. Вчера я должен был выгнать пивовара, позавчера я прогнал к черту винокура. И, кроме того, совершенно независимо от этого, такая жизнь, какую мы здесь вынуждены вести, действительно достаточно скучна, чтобы нагнать хандру на порядочного человека.

Ф р а у Ф л а м м. Завяжи знакомства! Поезжай в город!

Ф л а м м. Как же! Резаться в ресторане с завсегда-таями в скат или подлаживаться под господина окружного начальника. Хватит с меня этих шуток! Это меня не привлекает! Если бы не охота и ружье... мне пришлось бы стать моряком, чтобы не погибнуть от скуки!

Ф р а у Ф л а м м. Ну вот видишь, в том-то и дело! Об этом я и говорю. Ты совершенно переменялся! Два-три месяца тому назад ты был весел, стрелял птиц, набивал чучела, собирал растения и яички и целый день распевал песни. Было приятно на тебя смотреть, а сейчас тебя прямо как подменили.

Ф л а м м. Если бы у нас был хотя бы крошка Курт!
Ф р а у Ф л а м м. Как бы ты отнесся к тому, чтобы мы взяли какого-нибудь ребенка?

Ф л а м м. Сейчас, вдруг? Нет, мать! Сейчас я не хочу! Раньше ты не могла решиться на это; теперь же и у меня пропала охота.

Ф р а у Ф л а м м. Легко сказать — взять в дом ребенка! Во-первых, это похоже на предательство! Я бы себя чувствовала предательницей по отношению к Курту; одна эта мысль не давала бы мне покоя. Я бы себя чувствовала... как бы это тебе сказать, Фламм! Как если бы совершенно вытеснили мальчика не только из дома, из комнаты и из его постельки, но даже из наших сердец. Но главное вот что: если мы сейчас возьмем ребенка, можем ли мы надеяться, что он принесет нам радость? Однако оставим эту тему! Вернемся к Розе! Знаешь ли ты, Фламм, что с ней?

Ф л а м м. Ну да... Конечно! А как же! Штрекман бросил тень на ее образ жизни, а этого не может вынести старый Бернд. Конечно, глупо жаловаться на это в суд. В конце концов от этого всегда останется в накладе женщина.

Ф р а у Ф л а м м. Я написала Розе несколько писем и пригласила девушку к себе. Ведь у нее действительно трудное положение, Фламм, и она не знает, что ей делать.

Ф л а м м. Почему?

Ф р а у Ф л а м м. Потому что Штрекман прав!

Ф л а м м (*с изумлением, тупо*). Что ты, матушка? Говори-ка яснее.

Ф р а у Ф л а м м. Только не злись сразу, Кристель! До сих пор я от тебя это скрывала, потому что знаю, каков ты в этих делах; вспомни лишь о нашей служанке, которую ты с шумом выгнал из дома, и о шорнике, которого ты поколотил! Девушка мне давно призналась, уже более восьми недель тому назад, и здесь речь идет не только о Розе Бернд, но о другом существе, которое находится в пути... Фламм, ты понял?! Понимаешь ты меня?

Ф л а м м (*сдавленным голосом*). Нет! Откровенно говоря, не совсем, матушка. Я как раз... здесь именно...

сегодня именно... сейчас... кровь ударяет мне в голову. Это ужасно, как припадок головокружения! Но... нет, однако... Мне нужно немного подышать воздухом. Так... пустяки... успокойся, матушка!

Ф р а у Ф л а м м (*надев очки*). Куда это ты идешь с патронташем?

Ф л а м м. Никуда. Что мне делать с патронташем? (*Отбрасывает в сторону патронташ, случайно попавшийся ему в руки.*) Ни о чем не знаешь! Ничего не ведаешь! Живешь точно с завязанными глазами. Иногда чувствуешь себя совершенно чужим на свете.

Ф р а у Ф л а м м (*недоверчиво*). Ну скажи, Кристель, что все это значит?

Ф л а м м. Ничего, мать! Совершенно ничего! Абсолютно ничего! Голова у меня уже снова ясная. Но иногда у меня появляется такое чувство, такой страх... Мне начинает вдруг казаться, что подо мной нет больше ничего твердого и что я вот-вот разобью себе голову.

Ф р а у Ф л а м м. Ты говоришь такие странные вещи.

Стучат в дверь.

Кто там? Войдите!

А в г у с т (*еще невидимый*). Это я, фрау Фламм!

Ф л а м м быстро уходит в «охотничью комнату».

Ф р а у Ф л а м м. Ах, это вы, господин Кейль. Входите, пожалуйста.

Появляется **А в г у с т** **К е й л ь**. Он еще более бледный и худой, чем раньше; на нем темные очки, а левый глаз повязан черной лентой.

А в г у с т. Прошу прощения, фрау Фламм! Добрый день, фрау Фламм!

Ф р а у Ф л а м м. Благодарю вас, господин Кейль.

А в г у с т. Мою невесту вызвали в суд, фрау Фламм, иначе она бы пришла сама. Но, может быть, она еще придет вечером.

Ф р а у Ф л а м м. Мне приятно по крайней мере видеть вас. Как вы вообще поживаете? Садитесь!

А в г у с т. Пути господа неисповедимы! И когда он карает кого-нибудь, нельзя роптать. Напротив, следует радоваться. Понимаете, фрау Фламм, у меня сейчас

именно так. Но я не ропщу! И чем мне труднее приходится, тем лучше. Тем больше зачтется мне на том свете.

Фрау Фламм (*тяжело вздохнув*). Мне хотелось бы, чтобы вы были правы, господин Кейль. Получила Роза мои письма?

Август. Она давала мне их читать. И я ей определенно сказал: так не годится, ты должна пойти к фрау Фламм.

Фрау Фламм. Я должна вам сказать, Кейль: меня удивляет, что Роза не зашла ко мне после этой истории. Она же знает, что я принимаю в ней самое близкое участие.

Август. Последнее время Роза стала очень замкнутой. Позвольте вам сказать, фрау Фламм, вы не должны на нее обижаться: во-первых, Розе приходится все время возиться со мной, ведь я очень нуждаюсь в уходе. Господь наградит ее за это! А потом, с тех пор как этот человек ее так ужасно оскорбил, Роза не решается выходить из дома.

Фрау Фламм. Я на нее не сержусь, Кейль! Как она вообще поживает? Чем она занимается?

Август. О боже! Это просто... что мне вам сказать... Сегодня она в одиннадцать должна была идти в суд... не приведи господь, что тут было! Ну чистый ужас, фрау Фламм!.. Прямо страх брал, так странно она говорила. Сначала она вообще не хотела идти; затем она сказала, что хочет взять меня с собой, а в конце концов она поспешно ушла и крикнула мне, чтобы я за ней не ходил. А иногда она целый день плачет. Ну, тут, конечно, всякие мысли в голову лезут.

Фрау Фламм. Какие же?

Август. Разные! Во-первых, о моем несчастье! Она мне об этом часто говорит. У нее из-за этого прямо душа разрывается! А потом о старом Бернде, который принимает это очень близко к сердцу.

Фрау Фламм. Мы с вами здесь наедине, господин Кейль. Почему бы нам не поговорить откровенно. Вам никогда не приходило в голову — я имею в виду историю с Штрекманом, — вам или, может быть, папаше Бернду, что в этой истории есть доля правды?

Август. Я не хочу об этом даже думать.

Фрау Фламм. Это правильно! Я вас за это не придираю. Иногда действительно ничего лучшего не придумаешь, чем спрятать голову в песок, как страус. Но отец не должен себя так вести.

Август. Ну, фрау Фламм, что касается старого Бернда, то он далек, как небо от земли, от мысли, что в этой истории может быть доля правды. Он твердо уверен в своей правоте: ради этого он дал бы обе руки на отсечение. Трудно представить себе, как он строг. Ведь господин лейтенант был уже у Бернда и уговаривал его взять жалобу обратно.

Фрау Фламм (*взволнованно*). Кто был у него?

Август. Господин лейтенант!

Фрау Фламм. Мой муж?

Август. Да! Он долго с ним говорил. Видите ли, мне — хоть я и потерял глаз! — мне вовсе не важно, чтобы Штрекман был наказан! «Мне отмщение и аз воздам», — сказал господь. Но старик неумолим; он говорит: требуйте все от меня, но не это!

Фрау Фламм. Значит, мой муж был у старого Бернда?

Август. Да, когда он получил повестку.

Фрау Фламм. Что это была за повестка?

Август. Повестка от судебного следователя.

Фрау Фламм (*с еще большим волнением*). Кому? Старому Бернду?

Август. Господину лейтенанту Фламму.

Фрау Фламм. Как?! Разве и моего мужа допрашивали? Какое отношение он имеет к этому делу?

Август. Да, его также допрашивали.

Фрау Фламм (*потрясенная*). Так?! Для меня это совершенно ново! Об этом я не знала! Не знала и о том, что Кристель был у старого Бернда! Куда это девался мой одеколон! Ступайте-ка, Август, домой! Я сейчас немного... я не знаю, что со мной! Я вам не могу сейчас дать умного совета. Мне не по себе. У меня все члены точно свинцом налились. Идите домой и ждите ее! Если вы любите эту девушку, то... Послушайте меня, я много испытала в жизни! Раз уж человек так устроен: будь то мужчина, за которым бегают

женщины, или, быть может, женщина, к которой мужчины липнут как мухи,— надо терпеть! Терпеть! Быть терпеливой! Я уже двенадцать лет так живу. (*Держит руку перед глазами и смотрит сквозь пальцы.*) И если я на что-нибудь вообще смотрела, то смотрела сквозь пальцы.

Август. Я никогда не поверил бы этому, фрау Фламм!

Фрау Фламм. Да, именно так. Верите вы мне или нет, от этого ничего не изменится. У меня такое же положение, как и у вас. Я и сама этому не могу никак поверить. Приходится нам с этим мириться. Я тут Розе кое-что обещала! Обещать подчас легче, чем выполнить обещанное! Ну, да я постараюсь сделать все, что будет в моих силах. Прощайте! От вас я, конечно, не могу требовать, чтобы и вы... Да благословит вас господь.

Август поспешно пожимает протянутую фрау Фламм руку и затем молча удаляется. Фрау Фламм откидывает голову назад, задумчиво поднимает глаза к небу и дважды тяжело вздыхает. Входит очень бледный Фламм. Бросая беглые взгляды на фрау Фламм и насвистывая, он открывает книжный шкаф, делая вид, что усиленно там что-то ищет.

Так-так, ты все свистишь, Фламм! Тебе на все наплевать. Уж этого я от тебя не ожидала.

Фламм поворачивается, молчит, смотрит на нее в упор, слегка поднимает руки и очень высоко плечи и затем вяло опускает их, смотря без смущения, скорее задумчиво, чем пристыженно, на пол.

Вашему брату, мужчинам, это легко. Что же теперь будет?

Фламм (*делает такой же жест, как и раньше, только слабее*). Этого я не знаю. Я хочу сейчас быть совершенно спокойным. Я хочу рассказать, как все произошло. Может быть, ты будешь ко мне тогда не так строга. Если же нет, мне будет очень больно.

Фрау Фламм. Такое легкомыслие непростительно.

Фламм. Легкомыслие? Нет, это не было простым легкомыслием. А как бы тебе хотелось, матушка, чтоб это было простым легкомыслием или чем-нибудь более серьезным?

Ф р а у Ф л а м м. Губить так будущее девушки, когда я тут... когда мы несем всю ответственность! Когда она считалась у нас в доме своей! Когда нам так доверяли! О нет, я готова от стыда сквозь землю провалиться! Прямо как будто мы ее взяли к себе в дом с определенной целью.

Ф л а м м. Ты уже все сказала, матушка?

Ф р а у Ф л а м м. Далеко еще не все!

Ф л а м м. Ну, тогда я немножко подожду!

Ф р а у Ф л а м м. Кристель, что я тебе тогда сказала, когда ты пришел объясняться и хотел на мне жениться?

Ф л а м м. Что же?

Ф р а у Ф л а м м. Что я для тебя слишком стара. Женщина может быть на шестнадцать лет моложе, но не на три-четыре года старше. О, если бы ты меня тогда послушался!

Ф л а м м. Не пустое ли это дело — говорить сейчас о такой старой истории? Разве нет у нас сейчас забот поважнее? Я сейчас не могу себе помочь, так мне кажется, матушка. О том, что с Розой, я до сегодняшнего дня не имел ни малейшего представления. В противном случае я бы действовал иначе. Сейчас же нужно подумать о том, нельзя ли что-нибудь поправить. Как раз потому, мать, я и прошу тебя не быть придиричливой. Сначала я хотел проверить, поймешь ли ты, в чем тут дело. До тех пор, пока не было известно, что этот припадочный должен жениться на Розе, я относился к ней без всякой задней мысли. Но, как только это было решено, все изменилось. Может быть, у меня в голове путаница. Но ведь эта девушка росла на моих глазах, мое отношение к ней во многом зависело также от дорогой памяти о Курте. Сначала я хотел удержать ее от этого несчастного замужества, ну а затем все получилось совершенно неожиданно, как это обычно бывает,— об этом так правильно написал еще Платон в притче о двух конях, в «Федре» говорится об этом: так вот меня понесла дурная лошадь, и тут полетели все преграды.

Продолжительное молчание.

Ф р а у Ф л а м м. Занятные истории ты здесь рас-

сказал и даже разные ученые примеры притянул. Вы, мужчины, всегда после считаете, что правы! А бедная женщина потом расплачивайся как хочешь! Ты, может быть, считаешь, что осчастливил ее и даже принес себя в жертву? Нет, этого нельзя простить.

Ф л а м м. Ладно, матушка, поговорим об этом после! Вспомни, однако, когда умер маленький Курт, я не хотел, чтобы эта девушка ходила в наш дом. Кто ее удерживал и приглашал к нам?

Ф р а у Ф л а м м. Только для того, чтобы у нас в доме не было так уныло. Мне лично она была не нужна.

Ф л а м м. А я и не говорил, что она была нужна лично тебе.

Ф р а у Ф л а м м. Жаль каждой слезы, которую женщины когда-либо пролили из-за вас. Твои объяснения ты можешь оставить при себе, Фламм!

Горничная приносит кофе.

Горничная. Роза Бернд ждет на кухне.

Ф р а у Ф л а м м. Иди сюда, девушка! Передвинь меня! Возьмись-ка как следует за кресло! (Фламму.) Ты можешь помочь передвинуть меня куда-нибудь. Где-нибудь для меня еще найдется каморка! Я не хочу вставать никому поперек дороги. После этого ты можешь ее позвать.

Ф л а м м (горничной, строго). Пускай девушка немного подождет!

Горничная уходит.

Матушка, ты должна с ней поговорить! Я не могу! У меня связаны руки.

Ф р а у Ф л а м м. О чем же я должна с ней говорить, Фламм?

Ф л а м м. Матушка, ты знаешь это лучше, чем я. Ты сама знаешь... ведь ты сама говорила... только, ради бога, будь с ней сейчас помягче. Она не должна от нас уйти в отчаянии.

Ф р а у Ф л а м м. Я не могу ей чистить башмаки, Фламм!

Ф л а м м. Этого и не требуется! Не об этом речь!

Ты же сама пригласила ее. Не можешь ты сразу так измениться, чтобы забыть все сострадание и жалость. Что ты мне раньше говорила? Ведь девушка может погибнуть! А если она погибнет... Ты же не считаешь меня такой канальей, чтобы я мог после этого влачить свое существование. Или — или, не забудь этого!

Фрау Флам м. Слушай, Кристель! Вы, мужчины, конечно, этого не заслуживаете, однако, в сущности говоря, что же делать?! Сердце обливается кровью! Мы сами в этом виноваты. Мы позволяем себя уговаривать, когда мы уже не молоды и достаточно умудрены жизненным опытом, и за деревьями не видим леса. Только ты на этот счет, Кристель, не обманывайся. Хорошо! Пожалуй, я с ней поговорю. Не ради тебя, а потому, что так нужно! Но не воображай, что я смогу исправить все, что ты натворил и разрушил. Вы, мужчины, точно дети в этих делах...

Снова приходит горничная.

Горничная. Она больше не хочет ждать!

Фрау Флам м. Пришли ее сюда!

Горничная уходит.

Флам м. Будь разумна, мать, честное слово...

Фрау Флам м. Незачем тебе его давать! Тебе нет никакой надобности сейчас его нарушать.

Флам м уходит. Фрау Флам м, вздыхая, берет вязанье. После этого входит Роза.

Роза (*одета по-праздничному, нарядная, с поблекшим лицом, в глазах болезненный блеск*). Добрый день, мадам!

Фрау Флам м. Садись! Добрый день! Я вот, Роза, тебя просила... Ты, очевидно, не забыла, о чем мы тогда с тобой говорили. Между тем кое-что изменилось! В некотором отношении, во всяком случае! Ну вот, я и хотела с тобой поговорить об этом как следует. Ты сказала тогда, что я не могу тебе помочь, что ты хочешь сама со всем справиться! Теперь мне кое-что стало понятно. Твое странное поведение тогда, и почему ты не хотела принимать от меня никакой помощи. Но

каким образом ты хочешь сама выкрутиться, мне еще неясно. Иди сюда, выпей со мной чашку кофе!

Роза садится около стола на краешек стула.

Август только что был здесь у меня. Если бы я была на твоём месте, девушка, я бы уже давно решила и сказала ему всю правду. *(Смотря ей пристально в глаза.)* Теперь я уже больше не могу тебе этого советовать. Разве я неправа?

Роза. Ах, почему же, мадам?

Фрау Флам м. Видно, правда, что, чем старше становится человек, тем меньше он может понимать людей! Каждый человек появляется на свет одним и тем же путем, но об этом не следует говорить. Все, от кайзера и архиепископа до конюха, как бы различно они ни жили, делают свое дело одинаково подло. Когда же аист влетает в их дымовую трубу, тогда у них начинается страшное смятение. Все они разбегаются очертя голову, куда глаза глядят. Такой гость появляется всегда некстати.

Роза. Ах, мадам, все было бы уже давно улажено, если бы не такой преступник и негодяй, такой лгун, как этот Штрекман...

Фрау Флам м. Нет, девушка, тут я тебя не понимаю. Как же ты можешь так просто говорить, что этот человек врет? Ведь по твоей фигуре это уже со стороны заметно.

Роза. Он врет! Он врет! Я знаю только это и ничего другого.

Фрау Флам м. В каком же смысле он врет?

Роза. Да во всех смыслах.

Фрау Флам м. Ты, кажется, совершенно не понимаешь, о чем речь. Кто перед тобой? Образумься! Во-первых, ты мне во всем уже давно призналась, и, кроме того, я сейчас знаю больше, чем ты от меня скрыла.

Роза *(в лихорадочном состоянии, дрожа, с упорством)*. Хоть убейте меня, я больше ничего не знаю.

Фрау Флам м. Вот как?! Ах вот к каким уловкам ты теперь прибегаешь?! Я до сих пор была о тебе другого мнения. Надеюсь, что, когда тебя допрашивали, ты не говорила так сбивчиво.

Роза. Я и там говорила то же самое.

Фрау Флам м. Девушка, образумься наконец! Ты сейчас городишь чушь; нельзя говорить судье такую чушь! Послушай, что я тебе скажу!.. Но выпей сначала глоток кофе... тебе нечего бояться, тебя никто не преследует, и я тебя не съем! Ты, правда, плохо поступила в отношении меня, этого никто не сможет отрицать. Если бы ты тогда сказала мне всю правду, нам, может быть, было бы легче найти выход; сейчас же это довольно трудно. Однако не будем медлить и постараемся придумать, как тебя сейчас спасти. Может быть, это еще возможно. Итак... самое главное... это уж определено... и в этом ты можешь быть совершенно уверенной... тебе никогда не придется терпеть нужду! Даже если от тебя отречется отец, а Август тебя бросит! О тебе и о ребенке позаботятся.

Роза. Право, я не знаю, о чем вы говорите, мадам.

Фрау Флам м. Ну, девушка, в таком случае я прямо скажу тебе: если ты этого не знаешь, если ты это забыла, то у тебя просто нечистая совесть! Значит, за тобой есть дела и похуже! А если у тебя есть какая-то тайна, то тут уж не обошлось без Штрекмана; вот кто тебя сделал несчастной.

Роза *(с жаром)*. Нет-нет, как вы могли так подумать, мадам! И это говорите вы... О боже, и это я заслужила от вас! Если бы только это слышал мой Курт, мое милое дитя... *(Истерически заламывает руки перед портретом мальчика.)*

Фрау Флам м. Роза, только не это, прошу тебя! Может быть, я и в долгу перед тобой. Не будем сейчас об этом спорить. Ты так изменилась; даже трудно представить себе, как ты изменилась.

Роза. Почему меня не взяла с собой моя матушка! Она говорила, я вернусь за тобой, когда умру.

Фрау Флам м. Ну, приди же в себя, Роза! Ты же жива! Что с тобой?

Роза. У меня ничего не было с Штрекманом! Этот негодяй врет все до последнего слова.

Фрау Флам м. Что же он соврал? Он говорил это под присягой?

Роза. Под присягой или нет, мне все равно.

Ф р а у Ф л а м м. А тебя заставляли принять присягу?

Р о з а. Ничего я не знаю... Разве я такой плохой человек! Разве я совершила преступление?! А то, что Август лишился глаза, тут нет моей вины! Ни днем, ни ночью я не могу найти себе из-за этого покоя. Какие только муки вынес он... Да будь это правдой, он должен был бы плюнуть мне в лицо. Все стараешься, все хочешь хоть что-нибудь да спасти из огня, а тут тебе точно обухом по голове дают.

Входит взволнованный Ф л а м м.

Ф л а м м. Да кто тебе дает обухом по голове? Взгляни только на матушку! Напротив, мы хотим тебя спасти.

Р о з а. Слишком поздно. Теперь уж ничего не поделаешь.

Ф л а м м. Что это значит?

Р о з а. Ничего! Я не могу больше ждать. Прощайте! Я пойду своей дорогой.

Ф л а м м. Остановись! Ни с места! Я слышал все за дверью и теперь хочу знать всю правду.

Р о з а. Я и говорю правду.

Ф л а м м. Что у тебя было с Штрекманом?

Р о з а. Ничего между нами не было, он врет!

Ф л а м м. А он утверждает, что между вами что-то было?!

Р о з а. Я говорю только, что он врет!

Ф л а м м. Сказал он эту ложь под присягой?

Роза молчит.

(Смотрит некоторое время пристально на Розу. Пауза.)
Ну, матушка, не взыщи, прости мне только то, что ты в состоянии простить! Теперь мне совершенно ясно, что эта история меня больше совершенно не касается! Мне лишь смешно. Чихать я хотел теперь на это.

Ф р а у Ф л а м м *(Розе)*. И ты все начисто отрицала?

Роза молчит.

Ф л а м м. Я, конечно, сказал правду. И Штрекман

не станет врать в такой момент! Ведь за ложную присягу грозит тюрьма, тут уж не до вранья!

Фрау Флам м. Девушка, ты солгала даже под присягой? Разве ты не знаешь, что ты этим наделала, что совершила? Как могла прийти тебе в голову такая безумная мысль? Как ты решилась это сделать?

Роза (*совершенно разбитая, кричит*). Мне было стыдно!

Фрау Флам м. Но, Роза...

Флам м. Не стоит и слов терять! Зачем ты солгала судье?

Роза. Мне было стыдно! Мне было стыдно!

Флам м. А мне? А матушке? А Августу? Почему ты нас всех обманула? А напоследок, очевидно, и Штрекмана? С кем ты еще путалась? Да-да, у тебя невинное лицо, однако тебе есть чего стыдиться!

Роза. Он, как собака, травил и преследовал меня.

Флам м (*смеясь*). Ну-ну, вы, бабы, сами делаете нас собаками. Сегодня с одним, завтра с другим, противно все это! Делайте теперь что хотите! Поступайте как вам будет угодно! Если я ради этой истории пошевелю еще хоть пальцем, я сам сыщу себе веревку и буду хлестать себя по моим ослиным ушам до тех пор, пока в глазах не потемнеет!

Роза с ужасом смотрит на Фламма широко раскрытыми глазами.

Фрау Флам м. Так или иначе, Роза, свое обещание я сдержу: я позабочусь о вас двоих в любом случае.

Роза (*как и прежде, механически шепчет*). Мне было стыдно! Мне было стыдно!

Фрау Флам м. Ты слышишь, Роза?

Роза быстро уходит.

Роза! — Убежала! Да поможет ей ангел-хранитель!..

Флам м (*глубоко потрясенный, раздражается сдержанными рыданиями*). Да простит мне господь, матушка, я не мог поступить иначе.

Заканес

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Довольно просторная комната в домике старого Бернда. Стены в комнате серого цвета, старый потолок из балок побелен. Задняя дверь ведет в кухню, дверь слева — в сени, справа два окошка. Между этими окошками стоит желтый комод, на нем незажженная керосиновая лампа, над комодом — зеркало. Слева в углу крестьянская печь. В углу справа кушетка, обитая клеенкой, стол со скатертью, над столом висячая лампа. Над кушеткой висит на стене картина на библейскую тему («Пустите ко мне детей»), под картиной фотографии Бернда из времен его военной службы, а также другие фотографии, на которых он изображен вместе с женой. Впереди слева — стеклянный шкаф, наполненный разрисованными чашками и стаканами и т. д. На столе стоит распятие. На комодке лежит библия. Над дверью, ведущей в сени, — картина, написанная масляными красками, — «Христос в терновом венке». На полу дорожки. На окнах кисейные занавески. Четыре-пять светлых деревянных стульев расставлены в строгом порядке. Все имеет очень опрятный вид, но от всей обстановки веет холодом. На шкафу несколько библий и молитвенников. На косяке двери висит кружка для пожертвований верующих.

Около семи часов вечера того же дня, в который происходили события четвертого действия. Двери в сени, а также в кухню открыты настежь. Глубокие сумерки. С улицы слышатся голоса, после чего несколько раз стучат в окно. Потом из-за этого окна раздается голос: «Бернд!.. Нет, что ли, в доме ни души?.. Пойдем-ка к задней двери!» — Наступает снова тишина, но вскоре слышно, как открывается задняя дверь, из сеней слышны голоса и шаги. Появляются Клейнерт и Роза Бернд. Она совершенно без сил и опирается на Клейнерта.

Роза (*слабым голосом, произносит с трудом*). Никого нет дома! Всюду темно.

Клейнерт. Я не могу тебя сейчас оставить одну!

Роза. Да почему же, Клейнерт! Ведь я здорова.

Клейнерт. Расскажи кому другому, но не мне,

что ты здорова! Если бы ты была здорова, мне не пришлось бы поднимать тебя с земли.

Роза. Да нет же, у меня только немного закружилась голова. Правда! Уже все прошло! Больше мне не нужна ваша помощь.

Клейнерт. Нет-нет, девушка, нет, я не могу тебя сейчас одну оставить. Так не годится.

Роза. Правда-правда, папаша Клейнерт. Большое спасибо! Мне уже хорошо! Я здорова! Я совсем отошла. Со мной это иногда бывает, тут нет ничего такого.

Клейнерт. Да ты валялась под ивой полуживая! Ты корчилась, как червяк.

Роза. Клейнерт, ступайте домой, я зажгу сейчас свечу! Мне нужно развести огонь... ступайте домой! Мои придут сейчас ужинать! Ох, Клейнерт, Клейнерт, я так устала! Так страшно устала, что и поверить трудно!

Клейнерт. И ты хочешь еще разводить огонь! Тебе сейчас это не под силу, ты должна немедленно лечь в постель.

Роза. Клейнерт, ступайте домой, ступайте же! Если отец... если Август... они не должны ничего знать! Будьте так добры... не делайте мне зла!

Клейнерт. Да разве я тебе желаю зла?

Роза. Нет-нет, я знаю. Вы были всегда добры ко мне! *(Поднимается со стула, стоящего справа у двери, на который она в изнеможении опустилась, достает из-за печи свечу и зажигает ее.)* Вы видите, я уже отошла, я чувствую себя хорошо! Вы можете не беспокоиться.

Клейнерт. Да ты это только так говоришь!

Роза. Потому что это действительно правда.

Входит Марта; она прямо с поля, босая, с оголенными руками.

Да вот и Мартель!

Марта. Роза, это ты? Где ты пропадала целый день?

Роза. Мне грезилось, что я была в суде.

Клейнерт. Правда-правда, она действительно была в суде! Присмотри-ка за сестрой, Марта, пока придет отец; с ней не совсем ладно.

Роза. Ну-ка, живей, Марта! Разведи огонь! Надо скорее сварить картошку... А где отец?

Марта. Работает на земле Августа.

Роза. А Август?

Марта. Я не знаю, где он. Его сегодня не было на поле.

Роза. Есть у тебя молодая картошка?

Марта. Полный передник. *(Высыпает картошку на пол у входа в кухню.)*

Роза. Принеси мне миску и горшок, я буду сейчас чистить картошку. Сама я принести не в состоянии.

Клейнерт. Может быть, нужно за чем-нибудь сходить?

Роза. Куда сходить? Разве к могильщику? — Нет-нет, крестный, вы обо мне не заботьтесь! Меня похоронят в особом месте.

Клейнерт. Ну, прощайте!

Роза. Прощайте!

Марта *(живо)*. Заходите, крестный!

Клейнерт, по обыкновению с трубкой во рту, уходит, качая головой.

(Разводя огонь.) Тебе нехорошо, Розхен?

Роза. Нет-нет, я здорова! *(Тихим голосом, подняв руки и обращаясь к распятию.)* Господи, пречистая дева, сжальтесь надо мной!

Марта. Роза!

Роза. Что?

Марта. Что с тобой?

Роза. Ничего! Принеси мне котелок и картошку.

Марта *(разведя огонь, приносит глиняный котелок картошки и нож)*. Ах нет, Розхен, мне страшно, ты так странно выглядишь!

Роза. Как же я выгляжу, а? Скажи мне, пожалуйста. Заметно у меня что на руках? Горят у меня глаза? Мне кажется, вокруг меня одни привидения! *(Зловеще смеется.)* Господи, я уже не вижу твоего лица. Я вижу сейчас только твою руку! А сейчас лишь два глаза! Теперь одни точки! Марта, я, наверно, слепну.

Марта. Розхен, с тобой, верно, что-нибудь случилось?

Роза. Да сохранит тебя господь от того, что случилось со мной! Уж лучше пожелай себе преждевременную смерть. Ведь кто рано умирает, тот, значит, уходит на покой. Ему не нужно влачить эту жизнь, не нужно маяться. Как это было с маленьким Куртом Фламмом? Я уже забыла! У меня кружится голова. Я забыла! Я все забыла. Жизнь тяжела! Если бы всегда так было! Если бы больше не очнуться! И за что это выпала мне такая доля?!

Марта (со страхом). Хоть бы отец поскорее пришел домой...

Роза. Марта, подойди ко мне, послушай меня! Ты не должна говорить отцу, что я была здесь... что я здесь. Хорошо, Марта, да? Ты обещаешь мне это? Я тебе делала немало хорошего... не так ли, Марта? Ты еще не забыла об этом... теперь, когда вокруг меня так все темно!

Марта. Не хочешь ли ты немного кофе, там в печи еще осталось... Мне так страшно, Розен.

Роза. Не бойся! Я пойду ненадолго наверх в нашу каморку! Я хочу немного прилечь! Вообще же я совсем здорова... только немного устала.

Марта. Значит, я не должна говорить отцу?

Роза. Ни одного слова!

Марта. И Августу тоже?

Роза. Ни звука! Девочка моя, ты не знала матери, я вырастила тебя, с великими мучениями! Сколько бессонных ночей я провела, тревожась за тебя, когда ты тяжело болела. Я была еще моложе, чем ты сейчас, когда таскала тебя с трудом на руках, ведь ты с рук не сходила! Если ты меня сейчас выдашь, я и знать тебя больше не захочу.

Марта. Розен, ведь ничего плохого не случится? Ничего опасного?

Роза. Я думаю, что нет! Подойди ко мне, Мартель, помоги мне, дай мне на тебя немного опереться! Я себя чувствую такой одинокой на свете! Такой одинокой! О, если бы было иначе. Я слишком одинока на свете!

Роза и Марта уходят в дверь, ведущую в сени. Несколько секунд комната остается пустой, потом в кухне появляется старый Бернд. Он ставит на пол корзину и кладет мотыгу, после чего

внимательно, с серьезной миной озирается по сторонам. Между тем из сеней в комнату снова входит Марта.

Марта. Это вы, отец?

Бернд. Горячей воды нет! Ты же знаешь, что мне нужно мыть ноги. Розы нет дома?

Марта. Она еще не пришла, отец!

Бернд. Что? Она еще не вернулась из суда? Быть этого не может, скоро восемь... Был здесь Август?

Марта. Еще нет!

Бернд. А-а, еще не был? Ну, тогда она, наверно, у Августа. Ты видела, какие были большие тучи, Марта? Часов около шести, со стороны Штрейтберга?

Марта. Да, отец. Стало сразу темно.

Бернд. Когда-нибудь будет еще темнее! Зажги мне лампу на столе и приготовь священное писание! Самое главное — быть готовым. Марта, всегда ли ты думаешь о вечной жизни? Помнишь ли ты, что предстанешь перед вечным судьей? Очень немногие люди об этом думают. Когда я проходил сейчас мимо реки, я снова услышал, как мне кричали вслед ругательства. Когда же это я был живодером? А мне именно кричали: живодер! Я же только исполнял свой долг. Видно, силен еще враг! Плутуй! Закрой глаза на все! Смотри спокойно, как занимаются обманом! Тогда ты будешь хорош для людей... Я уповаю лишь на господа. Всем нам, людям, нужна опора! Без веры, одними хорошими делами не проживешь! И если бы Роза больше думала об этом, то мы, может быть, избежали бы многих испытаний, многих тяжелых огорчений.

В дверях появляется жандарм.

Кто там пришел?

Жандарм. Я принес повестку. Мне нужно поговорить с вашей дочерью.

Бернд. Со старшей?

Жандарм (*читая*). С Розой Бернд.

Бернд. Моя дочь еще не вернулась из суда. Могу ли я передать ей эту бумагу?

Жандарм. Нет. Мне нужно поговорить с ней лично. Завтра утром около восьми часов я приду опять.

Поспешно входит Август.

Бернд. Вот и Август.

Август. Розы нет дома?

Бернд. Нет. Господин вахмистр тоже спрашивает ее. Я думал, она с тобой.

Жандарм. Мне нужно у нее кое-что выяснить и вручить повестку.

Август. Опять эта штрекмановская история. Мало того, что я потерял глаз, так еще эти терзания. Этой истории, да простит мне бог, и конца не видно!

Жандарм. До свидания! Приду завтра в восемь утра. *(Уходит.)*

Август. Марта, выйди-ка на кухню! — Отец, мне нужно с вами поговорить. — Ступай, Марта, ступай, закрой дверь! Марта, ты ничего за Розой не замечала?

Марта. Нет, ничего. *(Украдкой манит Августа пальцем.)* Я тебе что-то скажу, Август.

Август. Закрой дверь, девочка, у меня сейчас нет времени. *(Сам закрывает кухонную дверь.)* Отец, вы должны взять свою жалобу обратно!

Бернд. Все что угодно, Август, только не это!

Август. Это не по-христиански. Вы должны взять ее обратно.

Бернд. Я не думаю, что это не по-христиански! Почему же? Это же бессовестно — так марать честь девушки. Это преступление, которое заслуживает наказания.

Август. Как мне начать!.. Папаша Бернд, вы слишком погорячились в этом деле.

Бернд. Этого требует моя жена, которая лежит в гробу! Моя честь требует этого! Честь дома и моей дочери! Да и твоя честь, в конце концов.

Август. Папаша Бернд, папаша Бернд, как мне вам сказать, когда вы так непримиримы! Вы говорили так много о чести. Не свою честь следует превозносить, а господа бога, и ничью больше!

Бернд. Тут совсем другое дело: честь женщины — священна! Разве ты можешь пожаловаться на Розу?

Август. Я уже говорил, что ни на что не жалуюсь.

Бернд. Или ты можешь Розу в чем-нибудь упрекнуть?

Август. Вы же меня знаете в этом отношении, папаша Бернд. Прежде чем я хоть на шаг отступлю от того пути...

Бернд. Ну, ладно! Я знаю это! Я и раньше об этом знал! Так вот — правосудие должно свершиться.

Август (*вытирая пот со лба*). Хоть бы узнать, где Роза!

Бернд. Как знать, может быть, она уже вернулась из Штригау!

Август. Допрос не может так долго продолжаться. Она хотела быть дома уже к пяти часам.

Бернд. Может быть, она заодно делает покупки? Ей, наверно, нужно было что-нибудь купить? Я полагаю, у вас в хозяйстве еще кое-чего не хватает?

Август. Она не взяла с собой денег. Нам еще нужна для лавки материя для витрины и на входную дверь. Но мы хотели купить ее вместе.

Бернд. Я думал, что Роза придет с тобой.

Август. Я больше мили пробежал ей навстречу, но ее не видно и не слышно. Вместо Розы я встретил Штрекмана.

Бернд. По мне, это значит встретить черта!

Август. Ах, отец, у этого человека тоже есть жена и ребенок! Почему они должны страдать из-за его грехов! Что мне от того, если его посадят в тюрьму! Раз он раскаивается... мне больше ничего не нужно.

Бернд. Такой дурной человек и вдруг раскаивается! Э-э, полно.

Август. Во всяком случае, похоже на то.

Бернд. Ты говорил с ним?

Август. Он не отставал от меня. Он бежал рядом и заговаривал со мной. Кругом не было ни души. На Енкаурском шоссе! В конце концов мне стало его жалко. Я ничего не мог с собой поделаться!

Бернд. Ты ему ответил? Что же он говорит?

Август. Он говорит, что вы должны взять свою жалобу обратно.

Бернд. Чтобы мне души своей не спасти, я не имел бы ничего против, если бы это дело касалось меня одного! Мне-то что, я смеюсь над этим! Я мужчина, да к тому же еще христианин. А вот для дочери — совсем

другое! Как я буду смотреть тебе в лицо, если я не очищу Розу от всей этой грязи! Да еще после этого ужасного несчастья! Подумай только, Август, это не годится, этого нельзя допустить!.. Все относились к нам плохо, потому что мы жили не так, как другие! Все называли нас святошами, лицемерами, пронырами и повсякому! Они постоянно придирались к нам! Возьми я жалобу назад, то-то они обрадовались бы! А ведь Роза воспитана в страхе божьем и в труде, так что если на ней женится добрый христианин, у него будет истинно христианский дом! Вот как! Вот какую дочь я выдаю замуж! Могу ли я не очистить ее от этой грязи? Лучше я буду есть картошку с солью, чем возьму от тебя хоть один грош.

Август. Папаша Бернд, пути господни неисповедимы! Каждый день господь может послать нам испытания! Человек не должен быть самодовольным! Если бы я даже захотел молчать, то не смог бы! Я не в силах больше от вас скрывать, отец! И наша Роза всего лишь человек.

Бернд. Что ты хочешь этим сказать, Август?

Август. Папаша, не спрашивайте меня больше!

Бернд (*садится на стул, стоящий у стола, лицом к стене. После последних слов Августа смотрит на него несколько секунд холодно и удивленно, затем поворачивается к столу, раскрывает дрожащими руками библию и с возрастающим волнением беспорядочно перелистывает страницы. Перестав листать, смотрит снова на Августа. Затем складывает руки на библию и опускает на них голову, его тело несколько раз конвульсивно вздрагивает. В таком положении пребывает несколько секунд, после чего снова выпрямляется*). Нет! Я тебя не так понял!.. Послушай-ка. Ведь если я понял тебя правильно... то это было бы поистине... то я не знал бы... Ох, у меня голова идет кругом... выходит, что я глух и слеп! Нет, Август! Я не глух и не слеп.. Не верь басням Штрекмана! Он готов сейчас на все! Штрекман в ловушке! Он видит, что даром это ему не пройдет! Вот он и хочет... выпутаться при помощи надувательства! Потому он и восстанавливает тебя против Розы. Нет, Август... только ты... не заступайся!..

Тебе, ей-богу, незачем за него заступаться!.. От него так и разит подлостью! А как он преследовал Розу!.. Не мытьем, так катаньем! Хочет попытаться теперь вот таким путем!.. Возможно, что вам придется из-за его клеветы расстаться. Не раз удавалось дьяволу своими проделками разъединять людей, созданных господом друг для друга. Впрочем, люди всегда недружелюбно относились к твоей женитьбе на Розе. Как хочешь. Я не навязываю тебе Розу. С голоду не умрем! Но если ты хочешь знать мой ответ, я готов правую руку в огонь...

Август. Но господин Фламм дал в суде присягу!

Бернд. Хоть десять присяг! Хоть двадцать присяг! Значит, он дал ложную присягу! Обрек себя на вечные мучения!!

Август. Папаша Бернд...

Бернд. Не торопись, подумай, прежде чем скажешь еще что-нибудь!.. Смотри, вот я беру библию! Беру шляпу! Беру кружку для пожертвований. Все это я складываю вместе. И если правильно то, что ты сказал, я иду сейчас же к господину пастору... даже если в твоих словах будет лишь капля правды!.. Я скажу ему: господин пастор, так, мол, и так... я не могу больше быть церковным старостой! Я не могу больше вести приходской кассой! Прощайте! И тогда меня ни одна душа здесь больше не увидит! Ни за что на свете!.. Ну, говори же дальше! Скажи, что у тебя! Только не мучай меня больше понапрасну.

Август. И я думал об этом! Хочу продать дом и землю. Может быть, устроюсь где-нибудь в другом месте.

Бернд *(с большим удивлением)*. Ты хочешь продать дом и землю, Август? И откуда все это на нас вдруг свалилось! Да-а!.. Я готов осенить себя крестным знаменем, хотя я и не католик. Неужели мир стал таким жестоким? Или наступает день Страшного суда? Видно, настал мой последний час! А теперь отвечай мне, Август, ни о чем другом я не хочу знать! Скажи мне во имя спасения души!

Август. Как бы там ни было, папаша Бернд, я Розу не покину!

Бернд. Делай как знаешь! Меня это не касается!

Мне незачем знать, возьмешь ты такую тварь в свой дом или нет. Я бы не взял! Я не таков! Ну, значит?..

Август. Я знаю только, что с ней что-то случилось! Связано ли это с Фламмом, или с Штрекманом...

Бернд. А, быть может, и с ними обоими?..

Август. Я этого не знаю.

Бернд. Тогда я иду к господину пастору!.. Почисти щеткой мою одежду, Август, почисти меня! Я чувствую себя так, как будто у меня все тело зудит! (*Идет в сени.*)

В тот же момент из кухни стремглав выбегает Марта. Она очень испуганна.

Марта (*Августу*). Мне кажется, с Розой случилось несчастье! Роза наверху! Она уже давно дома.

Бернд (*возвращается, он немного встревожен*). Наверху кто-то есть!

Август. Марта говорит, что там Роза.

Марта. Слышите! Она спускается сюда по лестнице.

Бернд. Да простит мне господь! Я не хочу ее видеть. (*Как и прежде, садится за стол, закрывает большими пальцами уши и низко опускает голову над библией.*)

В дверях появляется Роза. На ней домашняя юбка и просторная ситцевая блузка. Она держится прямо, в ее позе чувствуется большое напряжение. Одна из ее кос растрепалась, волосы в беспорядке падают на плечи. На ее лице отпечаток какого-то страшного переживания, горькой обиды, упорства. Некоторое время она оглядывает комнату, старого Бернда, склонившегося над библией, Августа, медленно отвернувшегося от двери и сделавшего вид, что он пристально смотрит в окно.

Роза (*ища опоры, произносит с трудом*). Добрый вечер всем!.. Добрый вечер!

Август (*после некоторого колебания*). Спасибо!..

Роза (*резко, холодно*). Если вы не хотите меня здесь видеть, я опять уйду.

Август (*рассудительно*). Куда ты пойдешь? Где ты была?

Роза. Не слишком ли много хочешь знать! Не больше ли, чем нужно! — Мартель, подойди ко мне!

Марта подходит к Розе.

(Садится недалеко от печи и берет Марту за руку. Затем громко спрашивает.) Что это с отцом?

Марта (смущенно, боязливо, вполголоса). Сама не знаю!

Роза. Что это с отцом? Говори громко! И с тобой, Август, что это с тобой? Да... ты прав... Ты можешь меня презирать! Можешь! Да-да! Я этого не отрицаю!

Август. Я не презираю никого на свете!

Роза. Зато я презираю! Всех! Всех без исключения!

Август. Я не пойму, о чем ты говоришь!

Роза. Не понимаешь! Да-да! Конечно! Это непонятно! Я слышу крики хищных зверей! А теперь вдруг все проясняется! Я вижу яркий свет. Я чувствую, что этот свет жжет, как в аду, Мартель...

Бернд (прислушавшись к словам Розы, поднимается и отстраняет руку Марты от Розы). Не отравляй мне ребенка! Руки прочь! — Марш в свою каморку спать!

Марта со слезами уходит.

Ничего бы не слышать! Ничего не видеть! Лучше бы умереть! (Снова углубляется в чтение библии.)

Роза. Отец! Я жива! Я сижу здесь! Что-нибудь ведь это значит!.. Ведь что-нибудь значит, что я здесь сижу! Я думаю, отец, вы должны это видеть! Как ужасен этот мир... вы погрязли в нем... вы не можете ничего со мной сделать! О боже, все вы замкнулись в свою маленькую каморку! Вы не знаете, что делается за ее стенами! А я знаю! Я познала это в мучениях! Такое было... не помню сейчас... все заколебалось у меня под ногами... держась за стены, я шла все дальше... — и оказалась в поле, в самую непогоду, а кругом все пусто, земля ушла у меня из-под ног... Да что вы знаете, вы как дети малые.

Август (испуганно). Но, Роза, если то, что говорит Штрекман, правда, то ты дала ложную присягу...

Роза (смеясь горьким смехом). Не знаю! Может, и так — не помню уже... да ведь весь свет стоит на лжи и обмане.

Бернд (вздыхает). Господь мое единственное утешение.

Август. Ты так относишься к ложной присяге?

Роза. Все это пустяки! Ничто! Что такое вообще присяга? Если бы вы знали, что там лежит! Ой!.. Что там лежит!.. У ивы!.. Ой, что там лежит! Я не хочу больше ни о чем знать! Как я там взывала к небу! Как я там кричала и звала на помощь! Но, увы, отец небесный был глух.

Бернд (*испуганно трясясь*). Так ты поносишь отца небесного? Если уж дошло до этого, то ты мне больше не дочь!

Роза (*подползает к нему на коленях*). Да, я дошла до этого! Но ведь вы меня знаете, отец! А помните, как вы баюкали меня на коленях! А сколько раз я была вам в помощь! Теперь со всеми нами стряслась беда... я, как могла, старалась отвести ее от нас...

Бернд (*пораженный*). О чем ты это?

Роза. Не знаю! Не знаю! (*Упав на колени и дрожа, она неподвижно смотрит в землю.*)

Август (*потрясенный этим зрелищем, порывисто*). Розхен, встань, я тебя не покину! Встань, я не могу видеть тебя на коленях! Все мы грешники! Кто так кается, тому господь простит. Встань, Роза! — Отец, поднимите ее! Ведь мы не жестокие, во всяком случае я!.. Я не могу быть фарисеем! Вы же видите, как она это приняла к сердцу! Будь что будет. Я остаюсь с ней! Я ей не судья! Я не сужу людей! И Иисус Христос на небе не судил людей! Воистину! Он за нас страдал, а мы его считали грешником, которого господь осудил на муки! Возможно, Роза и совершила ошибки! Я долго думал. Я тоже виноват! Ей пришлось дать согласие на нашу свадьбу, прежде чем она меня как следует узнала! А до людской молвы мне нет дела. Я не собираюсь прислушиваться к ней.

Роза. Август, если бы ты только знал, мужчины цеплялись ко мне, как репейник! Я не могла одна перейти улицу! Они все увязывались за мной! Я пряталась от них. Мне было страшно! Я так боялась мужчин! Но ничего не помогло, мне было все труднее! И тут я стала попадать из ловушки в ловушку, так что и опомниться не успела.

Бернд. У тебя прежде были такие строгие понятия! Ты осуждала Лейхнер и презирала Кайзер! Ты говорила с хвастовством — пускай только к тебе кто-нибудь пристанет, уж ты ему задашь! Ты ударила по лицу батрака Мюллера! Ты говорила, что девушка, которая ведет себя легкомысленно, не заслуживает никакой жалости, ей остается только одно — повеситься! А сейчас ты толкуешь о ловушках.

Роза. Теперь-то я все поняла!

Август. Будь что будет, я остаюсь с тобой, Роза! Я продам свою землю! Мы уедем в другую страну! Мой дядя живет в Бразилии, за океаном. Вдвоем мы проживем! И будем дружно жить! Возможно, что только теперь мы это и сможем.

Роза. О Иисусе, что же это со мной? Зачем я притащилась домой? Почему я не осталась со своим дитем?

Август. С кем?

Роза (*поднимается*). Август, близится мой конец! Сначала у меня бешено горело все тело! Затем у меня закружилась голова! После стало легче: тут я понеслась, как окотившаяся кошка с котенком в зубах! Голодные псы затравили меня!

Бернд. Ты понимаешь хоть слово, Август?

Август. Нет! Сейчас и я не понимаю...

Бернд. Ты знаешь, какое у меня чувство? Будто все рушится... будто бездна разверзлась под ногами... Ох, и что нам придется еще услышать!

Роза. Проклятие! Проклятие услышите вы от меня! Я еще тебя увижу! Я еще тебя повстречаю! В день Страшного суда! Я перережу тебе глотку, я вырву твои челюсти! Ты еще ответишь мне за это! Ты должен будешь ответить мне!

Август. О ком это ты так, Розен?

Роза. Тот знает, о ком я говорю! (*В изнеможении, почти в обморочном состоянии опускается на стул.*)

Продолжительное молчание.

Август (*хлопоча возле Розы*). Что с тобой? Как это вдруг...

Роза. Не знаю!.. Если бы вы меня об этом раньше

спросили, может быть... а теперь я уже ничего не знаю!
Меня не любил по-настоящему ни один человек!

Август. Как знать, какая любовь сильнее: счастливая или несчастная.

Роза. Я сильная! Я сильная! Я была сильная!
А теперь я ослабела! Наступает мой конец.

Входит жандарм.

Жандарм (*спокойным голосом*). Говорят, что ваша дочь дома! Старик Клейнерт сказал, что она давно уже дома.

Август. Верно, мы об этом раньше не знали.

Жандарм. Тогда я хочу быстрее покончить с этим делом... Здесь надо кое-что подписать. (*Не замечая в плохо освещенном помещении Розу, кладет несколько бумаг на стол.*)

Август. Роза, тебе нужно здесь кое-что подписать.

Роза смеется с зловещей, истерической иронией.

Жандарм. Если вы та самая, то вам должно быть не до смеха, фрейлейн... Прошу!

Роза. Подождите... еще немного.

Август. Зачем?

Роза (*со сверкающими глазами, с ожесточением*). Вы задушили мое дитя!

Август. Что она только говорит?! Господи, да что ты говоришь?

Жандарм (*встает, пристально смотрит на Розу и продолжает говорить, как будто он ничего не слышал*). Я к вам по делу Штрекмана.

Роза (*как и прежде, отрывисто, пронзительно*). Штрекман? Он задушил моего ребенка!

Бернд. Роза, замолчи, ты просто рехнулась!

Жандарм. Да у вас же не было никакого ребенка!..

Роза. Что? Кого же я тогда задушила своими руками?! Я удушила вот этими руками свое дитя!!

Жандарм. Взбесились вы, что ли? Что с вами?

Роза. Я совершенно нормальная! Я не сумасшедшая! Я очнулась в полном сознании! (*Хладнокровно, с необузданной жестокостью, решительно.*) Оно не долж-

но было жить! Я не хотела этого!! Дитя не должно мучиться вместе со мной! Оно должно быть там, где ему суждено.

А в г у с т. Роза, опомнись! Не мучай себя! Ты сама не знаешь, что говоришь! Ты сделаешь нас всех несчастными.

Р о з а. Да, вы ничего не знаете! Вы ничего не видите! Вы ничего не видели с открытыми глазами. Пускай он посмотрит за большой ивой... что у ольхи... за приходским полем... у пруда... там он увидит мое дитячко.

Б е р н д. Ты совершила такое ужасное преступление?

А в г у с т. Ты впала в такой неслыханный грех?

Роза падает в обморок. Смущенные мужчины в замешательстве, беспомощно смотрят друг на друга. Август поддерживает Розу, стараясь ей помочь.

Ж а н д а р м. Самое лучшее, если она придет с вами в участок. Там она может сделать добровольное признание. Если это не чистые выдумки, то признание ей очень поможет.

А в г у с т (*серьезно, из глубины сцены*). Это не выдумки, господин вахмистр. Эта девушка... Что она только выстрадала!

З а н а в е с